

РОЙ МЕДВЕДЕВ

К СУДУ ИСТОРИИ
О СТАЛИНЕ И СТАЛИНИЗМЕ

Рой Медведев

**К суду истории. О
Сталине и сталинизме**

Медведев Р. А.

К суду истории. О Сталине и сталинизме / Р. А. Медведев —
«WebKniga»,

Книга Роя Медведева «К суду истории», написанная в 1971 году, неслучайно открывает собрание сочинений братьев Роя и Жореса Медведевых. Она и сегодня сохраняет актуальность и остается главной книгой известного историка Роя Медведева. Это первое серьезное исследование о Сталине и сталинизме, пришедшее на Запад из России. Книга вызвала интерес не только в политических и академических кругах, но и в левом движении. На нее сразу появилось большое количество рецензий. Книга до сих пор издается в США и рекомендуется там как учебное пособие по истории СССР в американских университетах. «К суду истории» вышла в двадцати странах и переведена на четырнадцать языков мира, а в Китае выдержала три переиздания.

© Медведев Р. А.

© WebKniga

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
1	10
СТАЛИН ДО 1917 г.	10
СТАЛИН В 1917 г.	18
ВО ГЛАВЕ НАРКОМНАЦА	24
СТАЛИН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	27
ПОДДЕРЖКА СО СТОРОНЫ В. И. ЛЕНИНА	32
СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА	39
О «ЗАВЕЩАНИИ» В. И. ЛЕНИНА	40
I	40
II	41
III	42
И. В. СТАЛИН В 1923 – 1924 гг.	45
2	49
НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	49
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Л. Д. ТРОЦКОМ	51
XII СЪЕЗД ПАРТИИ И БОРЬБА ВНУТРИ ПОЛИТБЮРО	59
ВЕСНОЙ 1923 г.	
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Рой Медведев

К суду истории. О Сталине и сталинизме

ОТ АВТОРА

Книга, которую я предлагаю вниманию читателей, – одна из моих главных книг, посвященных сталинизму. Около двадцати лет я готовился в той или иной форме к ее написанию; а затем более двадцати пяти лет работал непосредственно над ней, собирая по крупицам, а иногда и целыми пригоршнями свидетельства, факты и документы из истории сталинизма, размышляя над ними, обсуждая их с друзьями и единомышленниками и полемизируя с оппонентами. Я встречался и подробно беседовал с прошедшими сталинские тюрьмы и лагеря старыми большевиками, в том числе с немногими оставшимися в живых участниками оппозиций, а также с чудом выжившими бывшими эсерами, анархистами и меньшевиками, беспартийными техническими специалистами, с бывшими военными, учеными, писателями, журналистами, партийными работниками, простыми рабочими и крестьянами, с теми, кого называли «кулаками», и теми, кто их «раскулачивал», со священнослужителями и простыми верующими, с бывшими чекистами, с вернувшимися в Советский Союз эмигрантами и теми, кто собирался уехать из СССР.

С тех пор как я начал думать о политических реальностях нашей страны и всего мира (люди моего поколения размышлять об этом начали очень рано), я считал себя сторонником социальной справедливости и социализма. Однако я никогда не был слепым сторонником какой-либо политической или социальной доктрины. Действительность была слишком жестокой, и я тяжело переживал не только трагедию, обрушившуюся в 1938 г. на нашу семью, но и драматические события войны 1941 – 1945 гг., в которой мне пришлось если не прямо, то косвенно участвовать. Я достаточно хорошо понимал, что социализм, каким бы мне хотелось его видеть, – это еще далекий идеал, тогда как реальная жизнь народных масс все еще полна несправедливостей и страданий. Разобраться в окружающей меня противоречивой действительности и искать пути к ее изменению и улучшению, не исключая и изменений в господствующих тогда идеологических концепциях, давно стало целью и стимулом моей жизни и деятельности, определило выбор философии как моей главной специальности, а истории и педагогики как первых областей моей практической деятельности. Уже в 50-е гг. я начал думать о написании большой книги по истории советского общества, но только в 1964 г. смог обсуждать ее черновые варианты со многими своими друзьями, а также в кабинетах директора Института марксизма-ленинизма, главного редактора Издательства политической литературы и в некоторых кабинетах ЦК КПСС. В начале 1969 г., когда был завершен одиннадцатый вариант рукописи, я решил опубликовать ее за границей. Главной причиной такого решения были реальная угроза реабилитации Сталина, с одной стороны, а также угроза репрессий против меня и моего брата Жореса – с другой.

Первое издание книги увидело свет в США под названием «Let History Judge» («Пусть история судит»), а в 1972 – 1973 гг. под другими названиями она вышла также в ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Японии и позднее в Испании. Новое, расширенное издание появилось на русском языке в 1974 г. в США и позднее на китайском языке в Пекине.

Опубликование книги вызвало множество рецензий, критических отзывов, обсуждений, в основном доброжелательных. Но я не мог считать затронутые в ней темы исчерпанными и продолжал работать как историк и философ по многим направлениям. Во-первых, сам факт издания книги в разных странах и распространения ее в СССР стал причиной того, что ко мне начали поступать различного рода документы и материалы, неизвестные мне книги и статьи 20

– 30-х гг., а также недавно написанные мемуары, авторы которых хотели бы сообщить то или иное свидетельство или высказать свое мнение по большим для нашего общества вопросам.

Во-вторых, работа над другими проблемами советской истории, а также исследование структуры и особенностей советского общества позволили мне издать в 1972 – 1989 гг. еще несколько работ, в которых я рассматривал природу сталинизма, его предпосылки и последствия, а также судьбы отдельных противников Сталина и людей из его ближайшего окружения. В-третьих, именно в последние годы я имел возможность прочитать многие книги о Сталине и эпохе Сталина, о проблемах сталинизма и советской истории в целом, которые были опубликованы западными советологами. Я говорю о книгах Р. Такера, А. Улама, Р. Конквеста, С. Коэна, Б. Суварина, Л. Шапиро, Ж. Ж. Мари, Г. Солсбери, Дж. Боффа, М. Левина, Р. Даниэльсона, В. Леонгарда, Дж. Кармайкла и некоторых других.

Нельзя, разумеется, не сказать о большом количестве книг и статей, опубликованных на Западе советскими авторами, а также писателями, публицистами и учеными, эмигрировавшими из СССР и некоторых стран Восточной Европы. Эти многочисленные работы с разных точек зрения освещают многие малоизвестные страницы нашего прошлого, в них содержатся различные концепции, теории и предположения, обсуждение которых полезно для историка. Я имею в виду книги Е. С. Гинзбург, Н. Я. Мандельштам, А. И. Солженицына, Л. З. Копелева, В. Т. Шаламова, Ж. А. Медведева, Е. А. Гнедина, А. Антонова-Овсеенко, В. Гроссмана, Б. Г. Бажанова, М. Агурского, М. Реймана, А. М. Некрича, М. Геллера, М. Джиласа, А. Левитина-Краснова, Э. Кольмана, В. Чалидзе, Л. Чуковской, Максудова и мемуары Н. С. Хрущева.

И наконец, еще одним крайне важным стимулом для продолжения моей работы по истории сталинизма стало то обстоятельство, что в нынешних условиях в области идеологии и общественных наук именно проблема Сталина и сталинизма оказалась в центре борьбы – борьбы между теми, кто стремится к радикальному обновлению советского общества, и теми, кто этому препятствует.

Даже в начале 1985 г. была сделана попытка реабилитировать Сталина. По мере приближения 40-летней годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне усиливались его восхваления как полководца и государственного деятеля. Существовали даже планы возвращения имени Сталина городу Волгограду и Волгоградскому району в Москве. Этого не произошло благодаря прежде всего переменам в руководстве партии.

Но и в первой половине 1986 г. осуждение Сталина и сталинизма можно было встретить скорее в намеках, чем в прямой речи. Первым решительным шагом политики гласности в этой области стала журнальная публикация романа А. Бека «Новое назначение», в котором автор не только воссоздал очень точный и зловещий облик Сталина, но и раскрыл сущность олицетворявшейся им авторитарно-деспотической системы управления.

Поворотным моментом в развитии политики гласности стали решения январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Не случайно в начале 1987 г. на экраны страны вышел фильм грузинского режиссера Т. Абуладзе «Покаяние». Необычный по художественной форме фильм, в котором использован не только метод реализма, но и сюрреализма, гротеска и абсурда, наносит большой удар по идеологии тоталитаризма вообще и сталинизма в частности.

В это же время публикуется неоконченный роман Ю. Трифонова «Исчезновение», главной темой которого являются репрессии 30-х гг. против активных деятелей Октября, а писатели Д. Гранин в своем произведении «Зубр» и В. Дудинцев в «Белых одеждах» рассказывают о разгроме Сталиным и Лысенко классической генетики.

Советским читателям стала известна, наконец, поэма А. Твардовского «По праву памяти»; в ней поэт говорит о трагедии раскулачивания, жертвой которого стала его семья, и о других беззакониях времен культа личности. Опубликована и знаменитая поэма А. Ахматовой «Реквием» – о репрессиях в Ленинграде, продолжавшихся до смерти Сталина. Всеобщее

внимание привлекла повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» о трагедии чеченского народа, выселенного в 1944 г. со своих исконных земель.

Зимой и весной 1987 г. увидели свет ждавшие этого пятнадцать – двадцать пять лет большие циклы стихотворений Б. Слуцкого, О. Берггольц, А. Тарковского, Б. Чичибабина, А. Жигулина, Н. Заболоцкого, В. Шаламова и некоторых других поэтов. В том же году опубликован роман А. Рыбакова «Дети Арбата», ставший заметным событием в литературной и общественно-политической жизни страны. На мой взгляд, этот роман является не только превосходным художественным произведением, но в нем дан также исторически и психологически точный портрет Сталина 1933 – 1934 гг., когда он уже готовил серию коварных провокаций, чтобы иметь повод уничтожить всех недовольных и создать аппарат, основанный на тоталитарной власти «вождя».

Наступление на сталинизм в литературе и киноискусстве продолжалось летом и осенью 1987 г. Следует упомянуть об опубликованной тогда знаменитой «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка, запрещенной по личному распоряжению Сталина в 1926 г. Всем было очевидно, что речь в ней шла о некоторых темных обстоятельствах смерти М. В. Фрунзе.

Новая, более сильная атака на сталинизм началась в 1988 г. Журнал «Новый мир» открыл год романом «Доктор Живаго» Б. Пастернака, а «Октябрь» – эпическим романом В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Этот роман создавался во второй половине 50-х гг. под прямым влиянием XX съезда КПСС. Однако в 1961 г. роман был «арестован». У автора, у его друзей и даже из редакций двух журналов были изъяты все его копии и черновики. Как заявил Гроссману член Политбюро М. Сулов, роман можно будет напечатать лишь через 200 – 300 лет. Что ж, нам пришлось ждать этой книги только 27 лет.

Новым шагом в изучении и осуждении сталинизма драматургом М. Шатовым явилась его вышедшая в начале года пьеса «Дальше... дальше... дальше!».

Неоценимым источником для исследователя стали опубликованные многочисленные воспоминания. Среди них роман-хроника Е. Гинзбург «Крутой маршрут», воспоминания С. Газаряна, рассказы В. Шаламова. Эти три книги я считаю лучшими произведениями на лагерную тему.

Существует преемственность между нынешней критикой сталинизма и антисталинской кампанией начала 60-х гг. Но есть и ряд важных различий. Известно, что доклад о культе личности на XX съезде партии и антисталинская направленность XXII съезда были связаны в первую очередь с личной инициативой Н. С. Хрущева, встретившей открытое и скрытое сопротивление значительной части идеологического аппарата партии, влиятельных военных и государственных лидеров.

В 1987 г. наступление на сталинизм началось широким фронтом. Выступая с докладом на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев еще раз заострил внимание на трагических событиях 30-х гг. «Иногда утверждают, – заявил он, – что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений».

Большую роль в борьбе со сталинизмом играет деятельность Комиссии Политбюро ЦК КПСС, занимающейся реабилитацией безвинно осужденных. Немалое значение имеют и многочисленные публикации в прессе, частично использованные в настоящем издании.

Введение в научный оборот огромного количества новых фактов, свидетельствующих о той цене, которую наш народ заплатил за индустриализацию и коллективизацию, за голод 1933 г. и раскулачивание, заставляет пересмотреть ту концепцию, которая была выработана еще на XX и XXII съездах партии и с тех пор господствовала в советской исторической науке,

а именно: все главные преступления Сталина начинаются только после 1934 г., а его политика на рубеже 20-х и 30-х гг. правильна.

К сожалению, в работе по восстановлению исторической правды участвуют пока в основном писатели, журналисты, работники кино, но не профессиональные историки, хотя на повестке дня стоит вопрос об издании новой книги по истории КПСС, новых учебников для школ и вузов. Однако официальная историческая наука немного пока сделала в этой области.

Одной из первых попыток со стороны советских историков раскрыть феномен Сталина стала книга «Триумф и трагедия» генерал-полковника Д. А. Волкогонова. В целом же задачу осмысления сущности и последствий сталинизма советская историческая наука пока не решила.

Интерес советских людей к истории своей страны очевиден. Однако этот интерес порождает иногда и всевозможные спекуляции. Вместе с тем часть людей воспринимает восстановление исторической правды как крушение всех своих идеалов. Они направляют в редакции газет и журналов письма с нападкамии на авторов антисталинских публикаций. Наиболее характерным явилось письмо, написанное Н. Андреевой и опубликованное в газете «Советская Россия» в марте 1988 г.; оно было воспринято общественностью как манифест антиперестроечных сил.

Разумеется, критиковать сталинизм можно с разных позиций, делая из этой критики разные выводы. Наш народ очень плохо знает свое прошлое, и поэтому неудивительно, что даже то ограниченное разоблачение сталинских преступлений, которое было предпринято в 1956 г. на XX съезде КПСС, породило среди многих людей не только растерянность, но и разочарование в социализме. Но было бы опасной иллюзией считать, что этого разочарования можно избежать, если и дальше держать советских людей в неведении. Мир велик, и в нем выступают и борются за ум и чувства людей разные силы. И если мы будем отказываться «в интересах социализма» от всестороннего изучения эпохи Сталина, то добьемся обратного результата. Социализм не сможет сохранить за собой репутацию научного учения об обществе, если не сумеет объяснить те социально-исторические, экономические и политические процессы, которые при определенных условиях приводят в социалистических странах к бюрократическому перерождению государства и к тирании отдельных личностей.

«Что пострадало при Сталине, – писал И. Эренбург, – идея или люди? Нет, идея не был нанесен удар. Удар был нанесен людям моего поколения».

Это неверно. Беззакония сталинской эпохи нанесли тяжелый удар и по людям, и по самой идее социализма. И те, кому дороги эти идеи, кто не желает, чтобы гибель миллионов людей, ставших жертвами жестокого произвола, осталась в нашей истории лишь бессмысленной трагедией, должны преодолеть одно из наиболее опасных последствий сталинизма – боязнь говорить правду.

Я многое уточнил в своих взглядах, но сохранил свою приверженность социалистическим идеалам. Мне пришлось выслушать не только много грубой и несправедливой критики, но и угроз со стороны отечественных и зарубежных сталинистов. Мне пришлось также выслушать и прочесть немало грубой и несправедливой критики со стороны тех отечественных и зарубежных авторов, которым трудно сегодня произнести с каким-либо положительным эпитетом слово «социализм». Я надеюсь, что лучшим ответом на подобного рода обвинения будут служить факты и доводы, которые читатель найдет в самой книге.

Я ненамного изменил и общую структуру своей работы, которую некоторые читатели и рецензенты упрекали за односторонность. Я принимаю этот упрек, однако не считаю это серьезным недостатком. В своей книге я стремился рассмотреть лишь одну из сторон советской действительности в определенный период развития советского общества. Как и любая другая наука, история имеет право на абстракцию. Прибегая к сравнению, можно назвать эту книгу «историей болезни», тяжелой и длительной болезни советского общества, которая получила название сталинизма. Конечно, все мы хорошо знаем, что эпоха Сталина была не только эпохой

террора. Это было также время разностороннего прогресса, который тоже должен быть темой исторических исследований. Но наука не может обходить и самых темных сторон прошедших эпох. У истории, как писал Виктор Гюго, нет корзины для мусора.

Естественно, что в центре внимания автора находится фигура Сталина. Однако данная книга является не только его биографией. Речь в ней идет не об одном Сталине, но и о тех социально-политических и экономических условиях и группах, которые он использовал.

В течение многих лет мне оказывали содействие в работе сотни людей, и без их помощи она не могла бы продвигаться вперед. Они помогали материалами, свидетельствами, советами и критическими замечаниями. Пользуясь случаем, я хочу выразить благодарность за оказанную помощь И. П. Гаврилову, С. О. Газаряну, Л. М. Портнову, А. И. Бабинцу, Е. П. Фролову, А. М. Дурмашкину, Петру Чагину, С. И. Бердичевской, Д. Ю. Зориной, П. И. Шабалкину, А. В. Снегову, А. Е. Ефстафьеву, М. В. Острогорскому, И. М. Данишевскому, О. Г. Шатуновской, Р. Б. Лерт, А. П. Хосиеву, М. А. Солнцевой, П. В. Аксенову, И. П. Алексахину, Э. Г. Лейкину, М. Н. Авербаху, Е. А. Гнедину, А. Н. Грамп, Н. К. Илюхову, Е. А. Косаревой, С. П. Писареву, Р. Г. Алихановой, П. В. Рудневу, Н. М. Улановской, А. И. Ханьковскому, М. Л. Фишман, Я. И. Дробинскому, А. И. Тодорскому, Б. И. Иванову, С. Б. Бричкину. Мне помогали в работе такие участники важных событий прошлого, как М. П. Якубович, З. Б. Гандлевская, А. М. Ларина, И. Н. Форштендекер, Т. С. Третьякова, Г. И. Меньшиков, Е. А. Грин, Е. З. Огородническая, А. З. Огородническая. Я называю имена только тех, кто дал мне на это согласие, или тех, кого уже нет в живых.

Большую помощь материалами и документами из своих личных архивов мне оказали писатели К. М. Симонов, И. Г. Эренбург, А. Т. Твардовский, А. Г. Дементьев, И. А. Сац, В. А. Каверин, Ю. В. Трифонов, А. А. Бек, В. Ф. Тендряков, К. Икрамов, Л. З. Копелев, Б. С. Ямпольский, И. С. Шкала, В. П. Аксенов, Е. С. Гинзбург, В. Т. Шаламов, С. Н. Ростовский (Эрнст Генри), А. Г. Письменный, В. А. Рудный, С. Э. Бабеньшева, В. Д. Дудинцев, Е. Я. Драбкина, Ю. Ф. Карякин, Л. Ф. Кабо, Е. Ю. Мальцев, Л. Е. Пинский, режиссер М. И. Ромм.

Я получил также помощь и поддержку от ученых и научных работников разных областей знания: П. Ф. Здравовского, Ф. Ф. Королева, Б. Л. Астаурова, А. Д. Сахарова, А. М. Некрича, М. Агурского, В. Ф. Турчина, Ю. Тувина, А. П. Аллилуева, И. В. Николаева, Л. П. Петровского, Д. И. Лев, В. Н. Литвинова, Л. В. Карпинского, Г. Б. Федорова, Дональда Маклейна, И. Н. Хохлушкина, В. П. Эфроимсона, А. А. Шибанова и других.

С самого начала и на всех стадиях работы над книгой – от ее замысла до публикации – главным помощником был мой брат Жорес Медведев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВЫДВИЖЕНИЕ И ВОЗВЫШЕНИЕ СТАЛИНА В ПАРТИИ

1

СТАЛИН ВО ГЛАВЕ ВКП(б)

СТАЛИН ДО 1917 г.

Западные биографы Сталина уделяют значительное внимание его детским и юношеским годам, справедливо полагая, что основные черты личности формируются в детстве и юности. Как отмечает в своей книге о Сталине А. Улам, именно бедность и суровое детство Сталина оставили неизгладимый след на всей его жизни, превратив его очень рано в недоверчивого и грубого человека, лишённого сентиментальности, плохо владевшего русским языком, страдавшего от комплекса неполноценности, амбициозного, пренебрегавшего столь важными для грузина традициями родства и личной дружбы¹.

Как известно, Сталин (Джугашвили) родился 9 (21) декабря 1879 г. в маленьком грузинском городе Гори в бедной семье. Его отец, Виссарион Иванович Джугашвили, родом из крестьян, работал в Гори сапожником. Необразованный и грубый человек, он не мог оказать на сына хорошего влияния. К тому же он вскоре покинул семью и переехал в Тифлис, где некоторое время работал на обувной фабрике. Затем вернулся в Гори уже больным и умер, когда его сын был подростком. Позднее Сталин никогда не вспоминал об отце, и дата его смерти не приводится в официальной хронологии жизни и деятельности Сталина².

Мать Сталина, Екатерина Георгиевна Геладзе, родилась тоже в крестьянской семье. На жизнь она зарабатывала шитьем и стиркой белья. Времени для воспитания детей у нее не было, и маленький Сосо (как называли Сталина в детстве) большую часть времени проводил на улице. Он был не единственным ребенком в семье Джугашвили, но другие дети рано умерли. В раннем детстве Сталин переболел оспой, оставившей следы на его лице. Среди различных кличек, под которыми он позднее фигурировал в документах, была и кличка Рябой. В двенадцатилетнем возрасте Сталин повредил в дорожном происшествии левую руку, и со временем она стала короче и слабее правой. Он тщательно скрывал свою частичную сухорукость, стараясь не раздеваться при людях и редко показывался даже врачам.

Уже в детстве Сталину было присуще упрямство и стремление к превосходству над сверстниками. Он не отличался большими способностями, но был упорен и много читал. Небольшого роста и физически слабый, Сосо не мог рассчитывать на успех в мальчишеских потасовках и боялся быть избитым. Он рано стал скрытным и мстительным и всю жизнь недо-

¹ *Ulam Adam*. *V. Stalin. The Man and His Era*. N.-Y., 1973. P. 19 – 20. См. также: Tucker Robert C. *Stalin as Revolutionary, 1879 – 1929*. N.-Y. L., 1973; Marie Jean-Jacques. *Stalin*. – Paris, 1967. Только один из известных нам западных авторов – Ян Грей – в своей биографии Сталина пытается утверждать, что «родст во, окружение, годы детства ничего не дают для объяснения его (Сталина) характера и жизни». Grey Ian. *Stalin: Man of History*. Garden City (N.-Y.), 1979. P. 13. Концепции Грея были подвергнуты, однако, убедительной критике в ряде рецензий. См., напр.: Келли Л. (Статья) // *Books and Bookmen*. 1979 (Dec).

² *Сталин И. В.* Соч. Т. 1. С. 407 – 423. Имеются свидетельства, что отец Сталина нередко жестоко наказывал маленького Сосо, а также что он часто ссорился со своей самостоятельной и набожной супругой, скромный заработок которой являлся основным для этой небольшой семьи. В грузинской эмигрантской литературе встречались сведения и о том, что отец Сталина, которого часть земляков считала осетином, был убит в 1890 г. во время жестокой трактирной драки.

любил высоких и физически крепких людей. Стремление к славе рано овладело умом и чувствами Сталина. Но он был беден, считался инородцем и понимал, что бедный грузинский юноша из маленького провинциального городка немногое сможет добиться в царской России. Большое впечатление на молодого Сталина произвели книги и судьба грузинского писателя А. Казбеги – одного из богатейших помещиков Грузии, который освободил своих крестьян от податей, отказался от богатства и почти десять лет жил в горах как простой пастух. Лишь с 1880 по 1886 г. он занимался писательским трудом. Депрессия и тяжелая душевная болезнь скоро свели его в могилу³. Особенно нравился Сталину роман Казбеги «Отцеубийца» о борьбе крестьян-горцев за свою независимость и свободу. Один из героев романа – неустрашимый Коба – стал героем и для молодого Сосо. Он даже начал называть себя Кобой, и это имя стало первой партийной кличкой Джугашвили. Старые большевики в 30-е гг. (а Молотов и Микоян еще позднее), обращаясь к Сталину, нередко называли его Кобой. Позднее у Сталина было немало партийных кличек, его называли Ивановичем, Василием, Васильевым. Но имя Коба и фамилия-псевдоним Сталин остались на всю жизнь.

Когда Сосо исполнилось восемь лет, мать определила его в Горийское духовное училище. Четырехлетний курс в училище Сталин прошел за шесть лет. Ему было трудно, так как обучение велось в основном на русском языке. Сталин научился хорошо писать по-русски, однако свободно говорить так и не мог до конца жизни. Он говорил по-русски лишь тихим голосом, медленно и с сильным грузинским акцентом. В революционной среде, где ораторские способности ценились особенно высоко, Сталин постоянно испытывал чувство неполноценности. Тем не менее он с отличием кончил духовное училище и в 1894 г. поступил в Тифлисскую духовную семинарию. В духовном училище и особенно в семинарии царил обскурантизм, повседневного мелочного контроля и взаимных доносов. Здесь были строгий режим и почти военная дисциплина. Неудивительно, что семинарии в России воспитывали не только верных слуг режима и церкви, но и революционеров. Сам Сталин говорил в 1931 г. в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом:

«Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье... Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма...»

Тифлисская семинария дала России не только Сталина, но и таких известных революционеров, как Миха Цхакая, Ной Жордания, Ладо Кецохели, С. В. Джибладзе, Н. С. Чхеидзе, Филипп Махарадзе и некоторых других. Не меньше революционеров окончили и армянскую духовную семинарию.

Семинария, несомненно, повлияла на Сталина и в другом отношении. Она развила и ранее присущие ему изворотливость, хитрость и грубость. Догматизм и нетерпимость, характерный для его статей и выступлений стиль катехизиса также сложились, бесспорно, не без влияния церковного образования. С ранней молодости Сталин был также начисто лишен чувства юмора. «Общие друзья и соученики Сталина по духовной семинарии всегда печалились: Коба шутить совсем не умеет. Удивительно, грузин не понимает шуток. На самую безобидную отвечает кулаками»⁴. В книге «Только один год», которая дает гораздо более точный психологический портрет Сталина, чем первая книга С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу», дочь Сталина писала:

³ Романы и повести А. Казбеги были переизданы в Грузии сначала на грузинском, а затем и на русском языках в конце 1940-х гг.

⁴ *Дубинский-Мухадзе И.* Орджоникидзе. М., 1963. С. 167.

«Церковное образование было единственным систематическим образованием, полученным моим отцом. Я убеждена, что церковная школа, где он провел в общем более десяти лет, имела огромное значение для характера отца на всю его жизнь, усилив и укрепив врожденные качества. Религиозного чувства у него никогда не было. Бесконечные молитвы, насильственное духовное обучение могли вызвать у молодого человека, ни на минуту не верившего в дух, в бога, только обратный результат: крайний скептицизм ко всему “небесному”, “возвышенному”. Результатом стал, наоборот, крайний материализм, цинический реализм “земного”, “трезвого”, практического и сниженного взгляда на жизнь. Вместо духовного опыта он развил в себе совсем другой: близкое знакомство с лицемерием, ханжеством, двуличием, таким характерным для немалой части духовенства, которая верует лишь внешне, то есть на самом деле не верует вообще... Из своего семинарского опыта он заключил, что люди нетерпимы, грубы, обманывают свою “паству” и тем держат ее в руках, интригуют, лгут и, наконец, имеют многие слабости и очень мало добродетелей. Нетерпимость, негибкость, неспособность согласиться с противоположным мнением, если оно очевидно более здоровое, я отношу в нем также на счет опыта, вынесенного из семинарии, где воспитанникам прививались фанатизм и нетерпимость»⁵.

Сталин и сам относил начало своей революционной деятельности к 15-летнему возрасту, когда он установил связь с первыми кружками марксистов и пристрастился к чтению подпольной литературы. В это время он впервые прочитал работы К. Маркса и Ф. Энгельса. По официальной версии, именно за чтение запрещенной литературы и создание социал-демократического кружка Сталин был исключен из семинарии в мае 1899 г. и поступил на работу в Тифлисскую геофизическую обсерваторию. А. Улам писал в своей книге о большом влиянии на молодого Сталина грузинского революционера Сильвестра Джигладзе, одного из видных и известных всей грузинской социал-демократии основателей группы «Месамедаси». В официальной биографии Сталина даже не упоминается имя Джигладзе, который позднее примкнул к грузинским меньшевикам, участвовал в 1918 г. в создании независимой грузинской демократической республики, был арестован при образовании в 1921 г. Советской Грузии и освобожден незадолго до своей смерти в 1922 г.⁶ Немалое влияние на Сталина оказал в 1897 – 1900 гг. Ладо (Владимир) Кецховели, один из наиболее видных организаторов грузинской, а затем и бакинской социал-демократии. Под пером составителей «Краткой биографии» Сталина 26-летний Л. Кецховели превратился в «ближайшего соратника» 19-летнего Сталина. Как известно, Кецховели был убит в сентябре 1902 г. в Метехском тюремном замке выстрелом одного из тюремщиков. В 1900 г. Сталин познакомился с 32-летним профессиональным революционером Виктором Курнатовским, приехавшим в Тифлис и уже в 1901 г. арестованным здесь. Незадолго до появления в Грузии ссыльный Курнатовский встречался в Минусинске с Лениным. Знакомство с Курнатовским, чтение работ В. И. Ленина, а затем и газеты «Искра», которая появилась в Закавказье в 1901 г., сделали молодого Сталина сторонником Ленина. После раскола российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков Сталин решительно становится на сторону большевиков. Надо отметить, однако, что именно в Грузии влияние фракции меньшевиков было преобладающим. Грузинские меньшевики оказались не только наиболее влиятельной, но и наиболее организованной революционной силой в Грузии в 1917 г., что и позволило им вскоре прийти к власти и в течение трех лет возглавлять правительство независимой Грузии.

Весной 1901 г. Сталин перешел на нелегальное положение. Он принимает участие в организации забастовок и демонстраций, в том числе известной Батумской демонстрации в марте

⁵ Allilueva Svetlana. Only one year. London, 1969. P. 341 – 342, 355.

⁶ См.: *Жордания Ной*. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968. С. 15.

1902 г. Здесь, в Батуми, Сталин был арестован и сослан в Восточную Сибирь, где провел около двух лет.

В одной из своих статей Л. Троцкий писал о творческом бесплодии Сталина в 1900 – 1910 гг. Это утверждение несправедливо. Сталин был не только практиком революции, он претендовал и на роль теоретика, во всяком случае в масштабах Закавказья. В 1900 – 1910 гг. Сталин написал немало статей и брошюр, однако все они были написаны на грузинском языке и опубликованы в грузинской социал-демократической печати. Работы этого периода составляют два первых тома его Сочинений, и большая часть из них переведена с грузинского языка лишь в 1945 – 1946 гг. Конечно, литературное творчество Сталина начала века ни по количеству, ни по качеству нельзя поставить в один ряд с творчеством других руководителей российской социал-демократии. Но и неправильно заявлять о творческом бесплодии Сталина.

В книге Ж.-Ж. Мари «Сталин» можно прочесть: «Когда революция (1905 г.) начиналась, Коба был всего лишь районным активистом. Революция для него ничего не меняет. Она не “раскрывает” его, как раскрывает Троцкого в другом конце империи. Она проходит сквозь него, как тень. Сталин всегда был человеком комитетов, ограниченных групп мелких, средних или крупных руководителей... Коба не обладал никакими качествами, позволяющими руководить массовым движением: ораторским талантом, живостью мысли, широтой взгляда, чувством завтрашнего дня, энтузиазмом. Наконец, в пылу, когда массы возвышают на мгновение свое повседневное существование, чтобы сделать его историей, Сталин, холодная и скрытная натура, терялся. Способный для закулисных маневров, он в 1905 г. стушевался... Коба и революция не знали друг друга»⁷.

Эти утверждения также несправедливы. Верно, что Сталин не являлся трибуном революции. Он не обладал живостью мысли. Но его неверно называть лишь районным активистом, ибо сферой его деятельности было все Закавказье и он участвовал в работе Всероссийской партийной конференции в Таммерфорсе в 1905 г., а также IV и V съездов РСДРП – в Стокгольме и Лондоне (в 1906 и 1907 гг.). Одним из главных ораторов на V съезде партии был Л. Троцкий, который писал позднее, что он узнал о присутствии Сталина на первых съездах партии только из биографии последнего, написанной французским автором (Б. Сувариним) и опубликованной в Париже в 1935 г. Это пренебрежительное замечание Троцкого дает скорее повод к нелестной оценке самого Троцкого. В те годы делегатов на партийных съездах было немного (около 150 на IV и около 350 на V). Однако молодой Троцкий уже тогда обладал чрезмерным высокомерием и не желал замечать многих ничем еще не отличавшихся рядовых делегатов, да к тому же еще «с совещательным голосом»⁸.

Неверно утверждать также, что революция 1905 г. не «раскрыла» Сталина, что он прошел через нее «как тень», что «Коба и революция не знали друг друга». Нет, революция раскрыла многие стороны сталинской натуры, и он принимал участие во многих важных ее событиях, хотя и предпочитал действовать обычно не на переднем плане. Именно Сталину принадлежит сомнительная честь быть не только участником, но и организатором некоторых крупных террористических актов или, как их называли тогда, «эксов», то есть экспроприаций. В основном это были вооруженные ограбления банков, почтовых карет, пароходов, которые допускали тогда большевики в качестве средства для пополнения партийной кассы и закупки оружия, а также для воздействия на царскую администрацию. Особенно большую известность получило вооруженное ограбление Тифлисского казначейства, которое дало в кассу большевиков более 300 тыс. руб. Этот «экс» был проведен группой боевиков с участием Камо (С. А. Тер-Петросяна), однако в его организации и планировании приняли участие Сталин и Л. Б. Красин, руко-

⁷ Marie Jean-Jacques. Ibid. P. 3637.

⁸ Об участии Сталина в работе IV и V съездов РСДРП можно прочитать не только в книге Б. Суварина, опубликованной в 1935 г., но и в различных публикациях 1920-х гг., которые Троцкий, несомненно, внимательно читал (см.: Сталин: Сб. статей к 50-летию со дня рождения. М. – Л., 1929).

водитель боевой технической группы при ЦК. Организация подобного рода «эксов» требовала от Сталина не только хладнокровия, хитрости и жестокости, но и связей с уголовным миром Грузии. Многие «эксы» сопровождалась человеческими жертвами, но это были убийства «в интересах дела».

В 30 – 40-е гг. большое число статей и немало книг были посвящены начальным этапам революционной деятельности Сталина на Кавказе. В этих работах Сталину приписывалось множество заслуг, которых у него не было. Однако все авторы, включая и Л. Берия, обходят молчаливым участие Сталина в террористической деятельности на Кавказе.

В 1907 г. Сталин переходит на работу в бакинскую организацию РСДРП. Участие в «эксах» делает его пребывание в Тифлисе небезопасным. К тому же в Грузии в социал-демократическом движении возобладали меньшевики, которые были решительными противниками террора. Сталин принимал участие в организации крупнейших по тем временам выступлений рабочего класса Баку, обративших на себя внимание В. И. Ленина. Несколько раз Сталина арестовывали и ссылали, но каждый раз ему удавалось бежать и возобновлять свою нелегальную работу на Кавказе. Активный участник революционного движения в Закавказье С. И. Кавтарадзе вспоминал позднее, что молодой Сталин часто был груб и несдержан по отношению к товарищам, нередко обрушивался на них с нецензурной бранью. Но это не было каким-то редким исключением, примеры подобной несдержанности и грубости были довольно распространены в революционной среде.

Из личной жизни Сталина в этот период нужно отметить смерть его первой жены Екатерины Сванидзе, с которой он прожил несколько лет. Сталин был очень привязан к жене, и ее смерть не смягчила его характер. Их сын Яков остался на попечении родственников. Сталин мало заботился и думал о нем.

В 1911 – 1912 гг. Сталин продолжает свою деятельность в столице Российской империи. Его статьи часто появляются в петербургской газете «Звезда», в газетах «Правда» и «Социал-демократ». Заслуги его были замечены. На VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, состоявшейся в январе 1912 г., он был заочно кооптирован в состав ЦК партии, а также включен в состав Русского бюро ЦК РСДРП вместе с Ф. И. Голощекиным, Я. М. Свердловым, Е. Д. Стасовой, Г. И. Петровским, А. В. Шотманом, А. Е. Бадаевым и А. С. Киселевым.

Об амбициозности и вместе с тем о самостоятельности Сталина говорит и тот факт, что он далеко не во всем соглашался с Лениным, хотя и входил во фракцию большевиков. Так, например, в 1905 – 1906 гг. Сталин высказывался против ленинской программы национализации земли и отмены частной собственности на землю. В 1909 г. в бакинской печати Сталин выступил против организационной политики Ленина⁹. В противоположность Ленину Сталин высказывался за бойкот III Государственной думы. Отказ большевиков от бойкота он считал «случайным отклонением от старого большевизма». «Но следует ли из этого, – писал Сталин в одном из писем, – что мы должны до конца доводить эти случайные отклонения, создавая из мухи слона?.. Ильич немного переоценивает значение таких (легальных) организаций»¹⁰. В некоторых письмах Сталина содержатся иронические замечания в адрес ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм». Сталин прочел ответную книгу Богданова и поддержал некоторые его доводы. «По-моему, – писал он также в частном письме, – некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать...»¹¹ Ленин, таким образом, отнюдь

⁹ Сталин И. В. Т. 2. С. 168.

¹⁰ Вопросы истории КПСС. 1965, № 2. С. 39.

¹¹ Дубинский-Мухадзе И. Указ соч. С. 93.

не был уже тогда для Сталина непререкаемым авторитетом. Это отмечается и в шеститомной «Истории КПСС». Мы можем прочесть здесь следующий упрек:

«Нечеткую позицию в философских вопросах занимал одно время Сталин. Он недооценивал значение борьбы Ленина против махистов... В одном из писем к М. Г. Цхакая он заявлял, что эмпириокритицизм имеет и хорошие стороны. Задача большевиков, писал он, развивать философию Маркса и Энгельса “в духе И. Дицгена, усваивая попутно хорошие стороны махизма”. Между тем, хотя немецкий социал-демократ Иосиф Дицген, рабочий-самоучка, действительно написал ценные философские труды, в ряде существенных вопросов он отступал от материализма, и предложение развивать марксизм в духе Дицгена с учетом философии идеалиста Маха было, разумеется, неправильно»¹².

В 1910 – 1912 гг. Сталин не был склонен, подобно Ленину, заострять и усугублять борьбу между большевиками и меньшевиками. Перед Пражской конференцией в письме к М. Цхакая Сталин отозвался о борьбе Ленина за возрождение партийной организации как о «буре в стакане воды»¹³. После Пражской конференции Сталин в отличие от Ленина требовал уступчивости по отношению к так называемым ликвидаторам. В первой же статье Сталина для «Правды» говорилось о единстве социал-демократов «во что бы то ни стало», «без различия фракций»¹⁴.

Правда, сам Ленин едва ли заметил эти расхождения. Сталин впервые встретил Ленина на Таммерфорской конференции большевиков в 1905 г., а затем на IV и V съездах РСДРП. Эти встречи оставили большой след в памяти Сталина¹⁵. Однако Ленин тогда не обратил внимания на молодого партийного работника с Кавказа. Личное знакомство Сталина с Лениным произошло лишь в конце 1912 г., когда Коба, принимавший активное участие в организации и редактировании первой легальной большевистской газеты «Правда», выезжал в Краков к Ленину на совещания ЦК с партийными работниками. Здесь, в Польше, Сталин написал свою работу «Марксизм и национальный вопрос», которая была положительно оценена Лениным. Сталин произвел тогда на Ленина самое хорошее впечатление. В одном из писем к Горькому Ленин писал: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»¹⁶.

В связи с работой редакции «Правды» Ленин несколько раз писал в эти месяцы и самому Сталину. Однако эти связи были еще настолько непрочны, что Ленин скоро забыл фамилию Сталина. «Не помните ли фамилию Кобы?» – писал Ленин в июле 1915 г. Г. Зиновьеву¹⁷. Зиновьев не помнил, и в ноябре 1915 г. Ленин пишет В. А. Карпинскому: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т. п.) фамилию “Кобы” (Иосиф Дж.....?? мы забыли). Очень важно!!»^{18*} Дело в том, что Ленин получил письмо от Сталина из Туруханской ссылки, но, не помня фамилии, не мог на него ответить.

В далекой ссылке в Туруханском крае Сталин пробыл четыре года. В небольшой колонии ссыльных он вел себя далеко не лучшим образом. Так, например, жена большевика Филиппа Захарова Р. Г. Захарова (Бронтман) приводит в своих воспоминаниях о муже рассказ последнего о приезде Сталина в Туруханскую ссылку в 1913 г.:

«Рассказывал мне Филипп и о встрече со Сталиным там, в Туруханске... По неписаному закону принято было, что каждый вновь прибывший в ссылку товарищ делал сообщение о положении в России. От кого же было ждать более интересного, глубокого освещения всего происходящего в далекой, так давно оставленной России, как не от члена большевистского

¹² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966 Т.2. С. 272.

¹³ Шаумян С. Соч. М., 1957. Т. 1. С. 267; Дубинский-Мухадзе И. Указ соч. С. 92 – 93.

¹⁴ Логинов В. Т. Ленин и «Правда» в 1912 – 1914 гг. М., 1962. С. 79, 112.

¹⁵ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 54 – 57.

¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 162.

¹⁷ Там же. Т. 49. С. 101.

¹⁸ Там же. С. 161.

ЦК? Группа ссыльных, среди которых были Я. М. Свердлов и Филипп, работала в это время в селе Монастырском... Туда как раз и должен был прибыть Сталин. Дубровинского уже не было в живых. Филипп, не склонный по натуре создавать себе кумиров, да к тому же слышавший от Дубровинского беспристрастную оценку всех видных тогдашних деятелей революции, без особого восторга ждал приезда Сталина в противоположность Свердлову, который старался сделать все возможное в тех условиях, чтобы поторжественней встретить Сталина. Приготовили для него отдельную комнату, из весьма скудных средств припасли кое-какую снедь. Прибыл!.. Пришел в приготовленную для него комнату и... больше из нее не показывался! Доклада о положении в России он так и не сделал. Свердлов был очень смущен. Сталина отправили в назначенную ему деревню Курейку, а вскоре стало известно, что он захватил и перевез в полное свое владение все книги Дубровинского. А между тем ссыльные еще до его приезда по общей договоренности решили, что библиотека Дубровинского в память о нем будет считаться общей как передвижка. По какому же праву завладел ею один человек? Горячий Филипп поехал объясняться. Сталин принял его так, как примерно царский генерал мог бы принять рядового солдата, осмелившегося предстать перед ним с какими-то требованиями. Возмущенный Филипп (возмущались все!) на всю жизнь сохранил осадок от этого разговора и никогда не менял создавшегося у него нелестного мнения о Сталине»¹⁹.

Не лучше вел себя Сталин и в деревне Курейке. Он рассорился почти со всеми ссыльными большевиками, в том числе и с Я. М. Свердловым.

«Нас двое, – писал в 1913 г. жене Свердлов. – Со мной грузин Джугашвили, старый знакомый. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни»²⁰.

Пожив еще некоторое время рядом со Сталиным, Свердлов отзывается о нем более критически. Он пишет в мае 1914 г.: «Со мной (в Курейке) товарищ... мы хорошо знаем друг друга. При том же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах... С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся»²¹.

Конфликт Сталина со Свердловым и другими большевиками продолжался и после перевода Сталина в село Монастырское, и даже после призыва многих ссыльных, включая и Сталина, в армию. Старый большевик В. И. Иванов, находившийся в то время в Туруханской ссылке, писал в конце 50-х гг. в своих воспоминаниях:

«Отъезд двенадцати подвод был большим событием для Монастырского. Как будто бы отъезд в армию должен был образумить Иосифа Джугашвили и А. А. Масленникова о необходимости возобновить товарищеские отношения с большинством колонии политических ссыльных. Это было необходимо и с точки зрения партийно-организационной, но на это не шли ни Джугашвили, ни Масленников, а больше с ними никого не было... Приехав из Курейки в Монастырское, Джугашвили остановился у Масленникова и по-прежнему держался вдалеке от всего состава политической ссылки и никакой партийной связи не возобновлял с двумя членами Русского бюро ЦК – Свердловым и Голощекиным, а также видными работниками партийного подполья... Этого необходимого примирения не произошло. Джугашвили остался таким же гордым, замкнутым в самом себе, в своих думах и планах... Джугашвили не пошел на примирение, а Яков Михайлович готов был протянуть руку дружбы и не прочь был обсудить в компании трех членов Русского бюро ЦК партии очередные вопросы рабочего движения, а такие, несомненно, были»²².

¹⁹ Из архива Ю. В. Трифонова Воспоминания Р. Захаровой частично опубликованы в кн.: *Трифонов Ю. В.* Отблеск костра. Исчезновение. М., 1988. С. 37 – 38. Писатель Ю. В. Трифонов – сын видного деятеля ВКП(б) В. А. Трифонова.

²⁰ *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1960. С. 199.

²¹ *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 276 – 277.

²² Рукописные воспоминания из архива А. В. Снегова.

Ссылка, и особенно ссылка в Туруханский край, была тяжелым наказанием. Но все же это была не каторга, и многие политические использовали вынужденное безделье для пополнения своих знаний, для творческой работы, для обмена мнениями. Но Сталин не умел работать в неволе. Последняя его работа, помещенная во втором томе Сочинений, датирована январем-февралем 1913 г., а работа в третьем томе – мартом 1917 г. Нельзя сказать, что Сталин совсем не участвовал в жизни партии. Летом 1915 г. он присутствовал на совещании членов Русского бюро ЦК и большевистской фракции Государственной думы, которая была лишена своих полномочий и сослана в Сибирь. В 1916 г. Сталин вместе с группой большевиков подписал письмо-пожелание журналу «Вопросы страхования». Однако большую часть времени Сталин прозябал в бездействии. Л. Троцкий, не упускавший случая задеть своего противника, писал в 1930 г.:

«Четыре года ссылки должны были быть годами напряженной умственной работы. Ссылные ведут в таких условиях дневники, пишут трактаты, вырабатывают тезисы, платформы, обмениваются полемическими письмами и пр. Не может быть, чтобы Сталин за четыре года ссылки не написал ничего по основным проблемам войны, Интернационала и революции. Между тем, тщетно стали бы мы искать каких-либо следов духовной работы Сталина за эти четыре поразительных года. Каким образом это могло произойти?»²³ Совершенно очевидно, что если бы нашлась одна-единственная строка, где Сталин формулировал бы идею пораженчества или провозглашал бы необходимость нового Интернационала, эта строка давно уже была бы напечатана, сфотографирована, переведена на все языки и обогащена учеными комментариями всех академий и институтов. Но такой строки не нашлось. Значит ли это, что Сталин вообще ничего не писал? Нет, не значит. Это было бы совершенно невероятно. Но среди всего написанного им за четыре года не оказалось ничего, решительно ничего, что можно было бы использовать сегодня для подкрепления его репутации.

Мы уже упоминали выше о нескольких письмах Сталина, которые он отправил из ссылки Ленину. Эти письма шли по нелегальным каналам и позднее были утеряны. Но сохранилось несколько писем Сталина, которые шли обычным путем и с которых Енисейское жандармское управление снимало копии. Одно из таких писем адресовано члену Государственной думы Роману Малиновскому. Это был, как вскоре выяснилось, главный провокатор охраны в руководстве большевиков, и именно по доносу Малиновского жандармерия выследила и арестовала Сталина.

«Здравствуй, друг, – писал Сталин в конце ноября 1913 г. Малиновскому. – Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов мороза), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахара, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 копейки фунт, керосин – 15 копеек, мясо – 18 копеек, сахар – 25 копеек. Нужно молоко, нужны дрова, но... деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии. У меня нет богатых родственников и знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе – и к Петровскому, и к Бадаеву.

Моя просьба состоит в том, что если у соц.-дем. фракции до сих пор остается “фонд репрессивных”, пусть она, фракция, или лучше бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя бы в рублей 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что я и его прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции... Понимаю, что всем вам, а тебе особенно – никогда нет времени, – но, черт меня дери, не к кому больше обращаться, а околеть здесь, не написав даже одного письма к тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу,

²³ Бюллетень оппозиции. 1930, № 14. С. 8.

потому что ждать дальше – значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь: Туруханский край, Енисейская губерния, деревня Костино, Иосифу Джугашвили. Далее. Мне пишет Зиновьев, что статьи по “национальному вопросу” выйдут отдельной брошюрой. Ты ничего не знаешь об этом? Дело в том, что если это верно, то следовало бы добавить к статьям одну главу (это я мог бы сделать за несколько дней, если только дадите знать), а затем надеюсь (вправе надеяться), что будет гонорар (в этом злосчастном крае, где нет ничего, кроме рыбы, деньги нужны, как воздух). Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар... Ну-с, жду от тебя просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери... Привет Стефании, ребятам. Привет Бадаеву, Петровскому, Самойлову, Шагову, Миронову. Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года...

Твой Иосиф».

Еще одно письмо адресовано хорошей знакомой Сталина Т. А. Словатинской, работавшей в книгоиздательстве «Просвещение»:

«10/XI. Письмо лежит у меня две недели вследствие испортившейся почтовой дороги. Татьяна Александровна! Как-то совестно писать, но что поделаешь – нужда заставляет. У меня нет ни гроша, и все припасы вышли. Были кое-какие деньги, но все ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно дороги. Пока доверяют в кредит, но что будет потом, ей-богу, не знаю... Нельзя ли будет растормошить знакомых (вроде Крестинского), раздобыть рублей 20 – 30? А то и больше? Это было бы прямо спасением, и чем скорее, тем лучше, так как зима у нас в разгаре... Я надеюсь, что, если захотите, достанете. Итак, за дело, дорогая, а то “кавказец с Калашниковой биржи” того и глядите пропадет... Адрес знаете, шлите прямо на меня. Можно в случае необходимости растормошить Соколова, и тогда могут найтись деньжонки более 30 рублей. А это было бы праздником для меня...

20/XI. Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно телеграфом, нет мочи ждать больше...»

Конечно, положение Сталина было не из легких, но в данном случае он его намеренно драматизирует. Деньги и припасы у него были, но их не хватало для побега, который Сталин планировал. Он вовсе не собирался четыре года сидеть в ссылке. Местное начальство знало материальное положение ссыльных и разгадало планы Сталина. Вместе с копиями его писем в делах Енисейского жандармского управления имеется и казенная справка: «4 января 1914 года. г. Красноярск. Совершенно секретно.

Представляя при сем агентурные сведения за № 578, имею честь донести вашему превосходительству, что автором таковых является гласноподнадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионович Джугашвили... Меры к недопущению побега Джугашвили мною приняты»²⁴.

Эти меры как раз и состояли в том, что Сталин и Свердлов были переведены на 180 верст севернее в Курейку. Деньги от друзей Сталин получил, но бежать ему не удалось.

СТАЛИН В 1917 г.

1917 год завершился победой Октябрьской социалистической революции в России и созданием первого в мире пролетарского Советского государства. Большевики пришли к власти в огромной стране и создали свое правительство. Это событие оказалось самым важным событием XX века, изменившим судьбы мира.

Недавние революционеры превратились в государственных деятелей, время и обстановка требовали теперь от них иных занятий и иных способностей. И тем не менее принадлежность к верхам партии и место в партийно-государственном аппарате долгое время зависели от заслуг

²⁴ Копии приведенных документов имеются в личном архиве Ю. В. Трифонова Их подлинники хранятся в ЦГАОР.

и поведения того или иного деятеля в переломном 1917 г. Естественно поэтому рассмотреть вопрос о том, какая работа легла в 1917 г. на плечи Сталина. В различное время нам приходилось сталкиваться при изучении этого вопроса с двумя тенденциями: с чрезмерным преувеличением роли Сталина в 1917 г. и, напротив, со сведением этой роли к выполнению некоторых незначительных поручений.

Начало 1917 г. застало Сталина в Красноярске. Призванный вместе с группой ссыльных в армию, Сталин был признан медицинской комиссией негодным к службе из-за слабости левой руки. Ссылка подходила к концу, и Сталину было разрешено остаток ее провести в Красноярске. Он установил связь с некоторыми красноярскими большевиками, но большую часть вечеров проводил у Л. Б. Каменева, также сосланного в Сибирь. На эти вечера иногда приглашали ссыльного А. Байкалова, который много лет спустя описал в эмиграции свою встречу со Сталиным. По свидетельству Байкалова, Сталин почти непрерывно курил трубку. У него было лицо, «поврежденное оспой», низкий лоб, над которым возвышались густые и растрепанные волосы, рот, закрытый грязными усами. Его маленькие тем но-коричневые, почти черные глаза глядели с хмурым выражением под густыми бровями²⁵. Сталин говорил медленно, с трудом подбирая нужные русские слова, с сильным кавказским акцентом. Каменев часто прерывал Сталина иронической, казалось, даже презрительной фразой, и Сталин, насупившись, снова затягивался трубкой.

Революция была для большинства народа и для политиков полной неожиданностью, хотя ее и ждали многие. Одним из первых результатов Февральской революции был полный и быстрый крах всей репрессивной системы царизма. Жандармы снимали форму и прятались. Открывались ворота тюрем, перестали функционировать царская каторга и ссылка. Не только политические заключенные, но и подавляющее большинство лиц, обвиненных в различных уголовных преступлениях, получили свободу.

3 марта 1917 г. был создан Совет и в Красноярске. Он немедленно взял власть в свои руки и постановил арестовать представителей царской власти. Был выделен специальный поезд для отправки ссыльных в Москву и Петроград. Сталин вместе с Л. Б. Каменевым и М. К. Мурановым немедленно выехал в столицу.

В первые же дни марта 1917 г. большевики в Петрограде вышли из подполья и приняли меры к изданию «Правды» и формированию партийного руководства. Все члены созданного на Пражской конференции Русского бюро ЦК находились в эти дни или в ссылке, или в эмиграции. Поэтому в годы войны было создано новое Бюро, из состава которого в Петрограде находились А. Г. Шляпников, П. А. Залуцкий и В. М. Молотов. 7 – 8 марта Русское бюро кооптировало в свой состав несколько человек, в том числе М. И. Калинина, В. Н. Залежского, М. И. Ульянову, М. С. Ольминского и др. 5 марта вышел в свет первый номер «Правды», редакцию которой составили К. С. Еремеев, М. И. Калинин и В. М. Молотов.

Естественно, что с прибытием ссыльных большевиков из Сибири возник вопрос о включении их в состав новых партийных центров. Дело не обошлось без трудностей и трений. Так, например, 12 марта 1917 г., в день прибытия в Петроград Сталина, Каменева и Муранова, состоялось заседание Бюро ЦК. В протоколе этого заседания сохранилась следующая запись:

«Дальше решался вопрос о тов. Муранове, Сталине и Каменеве. Первый приглашен единогласно. Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 г. и поэтому являлся бы желательным в состав БЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, БЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом. Что касается Каменева, то ввиду его поведения на процессе и тех резолюций, которые были вынесены в Сибири, как и в России, решено принять его в число сотрудников “Правды”, если он

²⁵ Байкалов А. Мои встречи с Иосифом Джугашвили // Возрождение. Париж, 1950 (март – апр.). С. 118.

предложит свои услуги, но потребовать от него объяснения его поведения. Статьи его принимать как материал, но за его подписью не выпускать»²⁶.

Мы не знаем подробностей столкновения между Сталиным и новыми членами Бюро ЦК, которое произошло после заседания 12 марта. Большевики, вернувшиеся из ссылки, были более опытными, старшими по возрасту. Сталин являлся к тому же не просто «агентом ЦК», но единственным из находившихся в Петрограде членов ЦК, избранных на Пражской конференции РСДРП. Неудивительно, что уже на следующий день он был все же введен в состав Бюро ЦК. В этот же день была утверждена и новая редакция «Правды» в составе М. С. Ольминского, И. В. Сталина, К. С. Еремеева, М. И. Калинина и М. И. Ульяновой. Однако Сталин фактически захватил руководство газетой в свои руки. Уже 15 марта в 9-м номере «Правды» было объявлено, что в состав редакции входят Сталин, Каменев и Муранов. Об остальных членах редакции, утвержденных Бюро ЦК, даже не упоминалось. Действия Сталина вызвали протест петроградских большевиков. По предложению Ольминского Бюро ЦК приняло 17 марта резолюцию, в которой говорилось:

«Бюро ЦК и ПК, протестуя против захватного порядка в деле введения тов. Каменева в редакцию, переносит вопрос о его поведении и участии в редакции “Правды” на ближайшую партийную конференцию»²⁷.

Разумеется, Сталина не смутила эта резолюция. Дело заключалось не только в изменении персонального состава редакции «Правды», но и в изменении ее политических и тактических установок. В своих первых номерах «Правда» призывала к борьбе против Временного правительства и против политики соглашения меньшевиков и эсеров с буржуазными партиями и Временным правительством. Это соответствовало и тем первым рекомендациям, которые приходили в Россию от Ленина. Однако с 9-го номера тон и содержание основных статей газеты изменились. «Правда» выступила за поддержку Временного правительства «в той мере, в какой действия этого правительства содействуют развитию революции». «Правда» вполне определенно высказалась за объединение с меньшевиками в одну партию, в рамках которой обе фракции могли бы преодолевать свои разногласия. Выступая за мир, «Правда» требовала от русских солдат твердо держать фронт, пока заключение мира не станет реальностью.

Петроградская организация большевиков могла негодовать, однако статьи в «Правде» были руководством для всех партийных организаций в стране. До появления Ленина в Петрограде Сталин стал фактически не только во главе «Правды», но и во главе всей партии. Более умеренная позиция «Правды» вызвала удовлетворение в руководящих кругах других партий. В своих воспоминаниях, опубликованных в 20-е гг. под общим названием «Семнадцатый год», А. Шляпников писал:

«День выхода в свет первого номера “преобразованной” “Правды” – 15 марта – был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец от дельцов Комитета Государственной думы до самого сердца революционной демократии – Исполнительного комитета – был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом Исполнительном комитете нас встретили ядовитыми улыбками. Это был первый и единственный раз, когда “Правда” вызвала одобрение даже матерых оборонцев либердановского толка. Когда этот номер “Правды” был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствующих и язвительное удовольствие у наших противников. В Петербургский комитет, в Бюро ЦК и в редакцию “Правды” поступали запросы: в чем дело, почему наша газета отказалась от большевистской линии и стала на путь оборончества? Но Петербургский комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил Бюро ЦК. Негодование в районах было огром-

²⁶ ЦПАИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 385. Л. 11.

²⁷ Там же.

ное, а когда пролетарии узнали, что “Правда” была захвачена тремя приехавшими из Сибири бывшими руководителями “Правды”, то потребовали исключения их из партии»²⁸.

Руководящую роль в выработке новой линии «Правды» играл, безусловно, Каменев. Но Сталин полностью поддерживал его и как фактический редактор газеты, и как автор ряда статей. Их линия была следствием старых лозунгов партии времен революции 1905 – 1907 гг., когда вопрос об этапах революции не был связан с вопросом о войне и о фактическом двоевластии, которое сложилось в России весной 1917 г. Каменев и Сталин не поняли тех новых возможностей, которые открывались теперь перед рабочим классом и большевиками. Это понял вначале только Ленин, но и ему с трудом удалось убедить в своей правоте партию. Нельзя не отметить, что первое из серии установочных писем Ленина «Правда» опубликовала только в сокращенном виде, а три следующих письма вообще не были опубликованы²⁹. Сталин и Каменев защищали свою позицию и на Всероссийском совещании партийных работников, состоявшемся в Петрограде 27 марта – 2 апреля 1917 г. Даже после приезда Ленина, когда в «Правде» были опубликованы его знаменитые Апрельские тезисы, Каменев при поддержке Сталина напечатал на следующий день статью с резкой критикой этих тезисов. Лишь к концу апреля после горячей полемики Ленину удалось повернуть как линию ЦК, так и линию «Правды», убедив большинство ЦК в своей правоте. Сталин присоединился к Ленину, тогда как Каменев по многим вопросам развития революции остался в оппозиции.

Позднее Сталин не раз был вынужден признать ошибочность своей мартовской позиции. «Это была глубоко ошибочная позиция, – говорил он в одной из речей, – ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии»³⁰.

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (большевиков) был избран ЦК партии большевиков в составе всего 12 членов и кандидатов. В этот ЦК вошли как Сталин, так и Каменев.

После I Всероссийского съезда Советов Сталин вошел от большевиков в состав ВЦИК. Но ВЦИК был слишком широким органом, здесь насчитывалось более 300 членов и кандидатов, из которых лишь около 60 были большевиками. Сталин присутствовал на заседаниях ВЦИК, но выступал редко, хотя он входил также в Президиум ВЦИК. В протоколах ВЦИК его имя упоминается в период до 9 августа всего четыре раза, и то мимоходом. Один из лидеров первого состава ВЦИК И. Г. Церетели писал позднее в своих воспоминаниях: «Сталин никогда не принимал участия ни в совещаниях, ни в частных беседах»³¹.

Другой деятель ВЦИК Н. Суханов также вспоминал: «У большевиков в это время, кроме Каменева, появился в Исполнительном комитете Сталин... Я не знаю, как Сталин мог добраться до высоких постов в своей партии. За время своей скромной деятельности в Исполнительном комитете он производил – и не на меня одного – впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать»³².

Эти высказывания показательны, однако они отнюдь не отражают подлинную роль Сталина в 1917 г.

Весна и лето 1917 г. были в России временем бесконечных митингов. Все партии, и партия большевиков в особенности, боролись за влияние на народные массы. Для большевиков было важно не только разработать отражавшие настроения масс политические лозунги, но также направить на предприятия и в воинские части умелых агитаторов, ораторов, пропаган-

²⁸ Шляпников А. Семнадцатый год. М., 1923. Кн. 1. С. 219 – 220.

²⁹ См.: Крутикова Н. На крутом повороте. М., 1965.

³⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 333.

³¹ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 1. С. 142.

³² Суханов Н. Записки о революции. Берлин, 1922. Кн. 2. С. 265 – 266.

дистов. Сталин плохо подходил для таких ролей. С марта до октября 1917 г. он брал слово на публичных митингах только три раза. У Сталина не было никаких данных для того, чтобы стать трибуном революции, и даже более поздние его апологеты признавали это. Так, в книге А. Барбюса о Сталине можно прочесть:

«Сталин сегодня – это не человек больших бурных митингов. Впрочем, он вообще никогда не пользовался приемами крикливого красноречия – чем только и располагают пробравшиеся к власти проходимцы и преуспевающие проповедники. Об этом стоит подумать историкам, которые будут давать ему оценку. Не такими путями создал и поддерживает Сталин связь с рабочими, крестьянами, интеллигенцией... Если угодно, можно сказать, что Ленин, – главным образом в силу условий, – был больше агитатором. Сталину... чаще приходится действовать через партию, через организацию»³³.

Эти рассуждения А. Барбюса весьма поверхностны. Во-первых, Ленин вовсе не был по преимуществу агитатором. Во-вторых, большевики в 1917 г. крайне нуждались в «преуспевающих проповедниках». Без целой плеяды выдвинувшихся в это время блестящих ораторов они не смогли бы победить в октябре и закрепить свою победу. Но верно и то, что не менее важным фактором победы большевиков была хорошая по тем временам организация партии. Большевики были гораздо более организованной и сплоченной и потому лучше управляемой политической силой, чем другие партии. Между тем, не имея ораторских данных, Сталин, несомненно, обладал незаурядным организаторским талантом. Численность большевистской партии возростала из месяца в месяц с исключительной быстротой, и Сталин вместе с лучшим организатором партии Я. М. Свердловым приводил партийные ряды в боевой порядок. Именно Сталин и Свердлов выполнили главную часть работы по подготовке и проведению VI съезда партии большевиков. Именно Сталин сделал на этом съезде политический отчет от имени ЦК. Следует указать на недостаточную четкость позиции Сталина по вопросу о явке Ленина на суд Временного правительства. Сталин допускал возможность явки Ленина к властям при известных гарантиях. «Если же, – говорил он, – во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, которая будет иметь хоть некоторую честь... они явятся»³⁴.

На VI съезде партии был избран более многочисленный и представительный состав ЦК. Впервые в состав большевистского ЦК был избран Троцкий. В отсутствие Ленина и Зиновьева роль Сталина в руководстве партийными организациями возросла. В эти месяцы он был фактически руководителем центральной газеты партии, которая выходила под разными названиями. Далеко не всегда мнения Ленина, руководившего партией из подполья, и Сталина, находившегося на легальном положении, совпадали. В этом случае Сталин подвергал произвольному редактированию статьи Ленина, что вызывало негодование Владимира Ильича. Ленин торопился со свержением Временного правительства и был крайне недоволен медлительностью ЦК. «Медлить – преступление, – писал он. – Ждать съезда Советов – ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции... Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния... что Центральный Орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте... видя это, я должен усмотреть тут “тонкий” намек... на зажимание рта и на предложение мне удалиться.

Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собою свободу агитации в низах партии и на съезде партии»³⁵. Постоянные размолвки с ЦК и привели

³³ Барбюс А. Ст. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1936. С. 109.

³⁴ VI РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 28.

³⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 340, 282.

Ленина к решению вернуться в Петроград, чтобы лично возглавить подготовку вооруженного восстания.

Сталин участвовал в решающих заседаниях ЦК 10(23) и 16 (29) октября, на которых по докладам Ленина было принято решение о вооруженном восстании. Против этого решения голосовали только Каменев и Зиновьев, которые в нарушение всех норм конспирации выступили со своими возражениями в большевистской газете «Новая жизнь». Как известно, Ленин потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии. Единственным членом ЦК, возражавшим Ленину по этому поводу, был Сталин.

Что делал Сталин 24 – 26 октября 1917 г., то есть в решающие дни и часы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде?

Хорошо известна важная роль в организации и подготовке этого восстания Петроградского Совета, во главе которого в те дни стоял Троцкий. По предложению Ленина при Исполкоме Петроградского Совета был создан в середине октября Военно-революционный комитет (ВРК), который взял на себя разработку всех деталей восстания. Особенно большую работу в руководящем бюро ВРК вели В. Антонов-Овсеенко и Н. Подвойский. Весьма значительной была в эти дни роль таких деятелей большевистской партии, как П. Дыбенко, В. Володарский, Н. Крыленко, Ф. Раскольников, А. Бубнов, Ф. Дзержинский, Г. Бокий, В. Аванесов, К. Еремеев и другие. Что касается Сталина, то он был занят в это время главным образом изданием газеты «Рабочий путь». Он не руководил непосредственно действиями красногвардейцев, матросов и солдат на улицах Петрограда.

По существу, вся версия о какой-то особой роли Сталина в организации Октябрь с кого вооруженного восстания держится на тоненькой ниточке – на решении ЦК партии большевиков от 16 октября о создании Партийного центра или Военно-революционного центра по руководству восстанием в составе Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. Предполагалось, что этот центр будет существовать при Военно-революционном комитете и направлять его работу. Однако события в Петрограде развивались столь стремительно, что созданный формально Партийный центр фактически не собирался и не функционировал как какой-то особый орган по руководству восстанием. Осталось на бумаге и решение ЦК партии о создании некоего Политического бюро из семи человек, которое было принято еще на заседании 10 октября 1917 года³⁶. Хотя Партийный центр никогда не собирался на какое-либо заседание, не принимал никаких решений, многие советские историки продолжают утверждать, что этот Партийный центр составлял «руководящее ядро» Военно-революционного комитета. Но это не подтверждается протоколами заседаний ВРК и Петроградского Совета. Несомненно, что отдельные члены Партийного центра выполняли важные поручения партии. Так, например, А. Бубнов был назначен комиссаром всех железнодорожных вокзалов. Ф. Дзержинский непосредственно руководил захватом Главного почтамта и телеграфа. Деятельное участие в работе ВРК и в комитете по обороне Петрограда принял М. Урицкий. Под некоторыми документами ВРК стоит подпись Я. М. Свердлова. Но Сталин не выступал на заседаниях ВРК, не подписывал его документов и практически не участвовал в его текущей работе. Неудивительно, что в своей книге об Октябрьской революции американский коммунист Джон Рид, являвшийся очевидцем описываемых им событий, ни одной строчки не посвятил Сталину³⁷. Во всех статьях, брошюрах и письмах В. И. Ленина, опубликованных в 34-м томе Полного собрания сочинений (июль – октябрь 1917 г.), имя Сталина упоминается один раз, и то лишь в связи с одной

³⁶ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). М., 1958. С. 86. Реально действующее Политбюро возникло лишь в марте 1919 г.

³⁷ Как известно, Ленин написал предисловие к книге Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Ленин очень высоко оценивал книгу Рида и рекомендовал издать ее в миллионах экземпляров на всех языках планеты. Сталин же фактически за претил эту книгу. В 1930-е гг. книга Рида была изъята из библиотек. Было немало случаев, когда членов партии приговаривали к длительным срокам заключения за хранение и распространение книги Джона Рида.

из ошибок Сталина, Сокольников и Дзержинского. Из протоколов ЦК РСДРП мы узнаем, что утром 24 октября в Смольном состоялось новое заседание ЦК, на котором были распределены обязанности между членами ЦК по руководству восстанием. Сталин на этом заседании не присутствовал, и ему не было записано никакого поручения. Как можно судить по другим документам, Сталин провел дни 24 и 25 октября в редакции газеты «Рабочий путь» и среди делегатов большевистской фракции II съезда Советов.

В результате победы вооруженного восстания в Петрограде власть в стране перешла в руки Советов. Временное правительство было низложено. Его сменило избранное II съездом Советов «временное рабочее и крестьянское правительство», получившее название Совет Народных Комиссаров. Председателем первого Советского правительства стал В. И. Ленин; в его состав как народные комиссары вошли четырнадцать большевиков. Среди них был и И. Сталин, которому поручили возглавить образованный впервые Народный комиссариат по делам национальностей. Сталин неслучайно первым возглавил его. Он был не только одним из ведущих руководителей партии большевиков; как грузин он считался инородцем. Потому это назначение должно было увеличить доверие к Совету Народных Комиссаров в национальных областях и районах России. К тому же, после серии статей по национальному вопросу, опубликованных в 1913 г., Сталин стал считаться в партии знатоком национальных проблем.

1 ноября 1917 г. Сталин вместе с Лениным подписал Декларацию прав народов России. В этой декларации, проект которой написал Ленин, были провозглашены основные принципы советской национальной политики: отмена всех национальных и религиозных ограничений или привилегий, равенство всех народов, свободное развитие всех национальных и этнических групп, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

ВО ГЛАВЕ НАРКОМНАЦА

Для большинства народных комиссаров, вошедших в первое Советское правительство, главной трудностью было сломить саботаж чиновников почти всех учреждений, оставшихся в наследство от Временного и царского правительств. У Сталина таких трудностей не возникло, так как в царской России не было учреждения, аналогичного Народному комиссариату по делам национальностей. Поэтому ему нужно было создать хотя бы минимальный аппарат. Одним из первых деятелей Наркомнаца и организаторов его крошечного аппарата стал польский революционер С. Пестковский³⁸. Весь сталинский комиссариат размещался в одной из комнат Смольного, недалеко от кабинета Ленина. Никакого продуманного плана работы на длительный период у Наркомнаца, разумеется, еще не было. Дела, и часто самые неожиданные и трудные, возникали сами собой. Так, например, с ноября 1917 г. до января 1918 г. Сталин участвовал в переговорах с Центральной Радой, объединением созданных на Украине нескольких националистических мелкобуржуазных партий. Центральная Рада заняла враждебную позицию по отношению к Октябрьской революции и провозгласила себя верховным органом Украинской народной республики в составе России. Во главе Центральной Рады стоял тогда Петлюра. Вначале Украинская народная республика объявила себя федеративной частью России, но в конце января 1918 г. провозгласила полную самостоятельность Украины. Переговоры с Радой были прерваны. В противовес Центральной Раде большевики и левые эсеры создали в Харькове I Всеукраинский съезд Советов и провозгласили создание Украинской Советской Республики. После II Всеукраинского съезда Советов в Екатеринославе в марте 1918 г. во главе Народного секретариата Украины стал большевик Н. А. Скрыпник. Почти вся Украина была в это время оккупирована немецкими войсками, которые создали в

³⁸ См.: Пролетарская революция. М., 1930. № 6. С. 128.

Киеве промонархическое правительство гетмана Скоропадского. Тем не менее Ленин, узнав о решениях II Всеукраинского съезда Советов, составил приветственное послание Совнаркома РСФСР в адрес Советской Украины. В нем выражалось «восторженное сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины, являющихся в настоящее время одним из передовых отрядов всемирной социальной революции». Между тем Сталин 4 апреля дал следующую телеграмму Советскому правительству Украины: «Достаточно играть в правительство и республику, кажется, хватит, пора бросать игру». В ответ на это недопустимое по тону и содержанию послание Сталина Н. А. Скрыпник послал 6 апреля в Москву телеграмму: «Мы должны заявить самый решительный протест против выступления наркома Сталина. Мы должны заявить, что ЦИК Советов Украины и Народный секретариат имеют источником своих действий не то или иное отношение того или иного наркома Российской Федерации, а волю трудящихся масс Украины... Заявления, подобные сделанному наркомом Сталиным, направлены к взрыву Советской власти на Украине»³⁹.

Большевики выступали за самоопределение наций вплоть до их полного государственного отделения от России. Это вовсе не означало, однако, что сами большевики были готовы приветствовать и помогать отделению от России ее национальных районов. Они стремились к победе социалистической революции на всей территории России и образованию союза свободных народов и наций. Это было бы, по их мнению, первым шагом в развитии мировой пролетарской революции. Нельзя забывать также, что РКП(б) была не русской, а общероссийской партией. Исключением были лишь Польша и Финляндия, где имелись самостоятельные социал-демократические партии, возникшие на несколько лет раньше РСДРП. К тому же, движение за независимость от России приобрело в Финляндии и Польше большой размах и поддержку еще задолго до 1917 г.

Проведенные в октябре 1917 г. выборы в парламент Финляндии дали большинство буржуазным партиям, и 6 декабря парламент провозгласил Финляндию независимым государством. 31 декабря 1917 г. СНК РСФСР признал независимость Финляндии. Под декретом СНК стояли подписи В. И. Ленина и И. В. Сталина. Через несколько дней по докладу Сталина этот декрет был утвержден также ВЦИК РСФСР.

Как нарком по делам национальностей Сталин сделал несколько сообщений и докладов на заседании Совнаркома и ВЦИК о положении в Туркестане, на Кавказе, в Уральской области, на Дону, в турецкой Армении, об автономии татар, о федеральных учреждениях РСФСР.

Как член ЦК Сталин участвовал во всех его заседаниях, на которых обсуждался вопрос о заключении Брестского мира и выходе России из империалистической войны. Протоколы ЦК РСДРП ясно показывают, что Сталин неизменно поддерживал на этих заседаниях точку зрения Ленина, хотя на ранних этапах обсуждения Ленин вел за собой меньшинство ЦК. Лишь на заседании 1 февраля, призывая покончить с разногласиями, Сталин сказал: «Надо этому положить конец... Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка – позиция Троцкого»⁴⁰. Однако при всех голосованиях в ЦК Сталин голосовал за предложения Ленина. Об остроте борьбы свидетельствует тот факт, что предложение о немедленном заключении мира с Германией было принято ЦК лишь 18 февраля 1918 г. большинством в один голос (голосовали «за» Ленин, Смилга, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий, Зиновьев; «против» – Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский, Дзержинский)⁴¹.

В апреле 1918 г. между Сталиным и лидером меньшевиков-интернационалистов Леоном Мартовым возник конфликт, которому некоторые биографы Сталина придают чрезмерно

³⁹ Из архива А. В. Снегова, участника II Всеукраинского съезда Советов. См. также: ЦГАОР УССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7В. Л. 1.

⁴⁰ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 178.

⁴¹ Там же. С. 204.

большое значение. С описания именно этого конфликта А. Антонов-Овсеенко начинает свою книгу «Портрет тирана»⁴².

Весной 1918 г. в РСФСР существовали легально и издавали свои газеты не только большевики, но также левые эсеры, меньшевики, меньшевики-интернационалисты, правые эсеры, анархисты, максималисты и некоторые другие небольшие политические партии. Все они после заключения Брестского мира находились в оппозиции к большевикам. Естественно, что большевики крайне внимательно следили за этой оппозиционной печатью. 31 марта в газете меньшевиков-интернационалистов «Вперед» появилась статья Л. Мартова, в которой он, критикуя РКП(б) в целом за экспроприаторские замашки, утверждал, что Сталин был «в свое время исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям». Сталин заявил, что это клевета, и направил жалобу в созданный по декрету СНК РСФСР от 28 января 1918 г. Революционный трибунал печати. При этом трибунале учреждалась также следственная комиссия из трех человек. Заседания трибунала должны были проходить публично при участии обвинения и защиты.

Нетрудно предположить, что Сталина в данном случае несколько не задевали упреки Мартова «за прикосновенность к экспроприациям». После прихода к власти большевики могли только гордиться этими эпизодами своего революционного прошлого. К экспроприациям прибегали нередко и эсеры, которые теперь были политическими союзниками меньшевиков. Но Сталин решительно отрицал факт исключения его из партийной организации. Никаких доказательств или документов на этот счет у Мартова не было. Мартов потребовал вызвать в суд свидетелей. Но свидетели из числа большевиков вряд ли стали бы давать показания против одного из своих лидеров. Что касается свидетелей-меньшевиков вроде С. Джибладзе или Ноя Жордании, то все они были в 1918 г. в Грузии и их невозможно было вызвать в Москву. Сурен Спандарян, которого А. Антонов-Овсеенко называет наиболее важным свидетелем, умер еще в 1916 г. в сибирской ссылке. Мартов этого, видимо, не знал. Сталин потребовал провести суд и следствие немедленно, не дожидаясь вызова всех названных Мартовым свидетелей. Дело в том, что декрет об учреждении Революционного трибунала печати предусматривал возможность ускоренного и упрощенного судопроизводства «в случаях, не терпящих отлагательства». Сам Сталин на заседании трибунала не присутствовал, его интересы представлял Л. С. Сосновский. Мартов сумел все же добиться решения об отсрочке заседания на неделю для вызова свидетелей. А. Антонов-Овсеенко утверждает в своей книге, что в течение этой недели Ревтрибунал печати был ликвидирован, вероятно, по настоянию Сталина, и дело о клевете Мартова было передано в обычный трибунал Москвы⁴³. Это явная неточность. Действительно, еще в конце марта 1918 г. в СНК РСФСР было внесено предложение о ликвидации революционных трибуналов печати, так как в их составе было много левых эсеров. Но Ленин возражал против этого, и трибуналы печати работали с полной нагрузкой до конца мая 1918 г.⁴⁴

Мы не будем разбирать здесь все детали этого судебного дела Сталина против Мартова. Как и следовало ожидать, свидетелей Мартову вызвать на заседание трибунала не удалось. Учитывая общий характер статьи Мартова, Революционный трибунал осудил Мартова за «подрыв авторитета правительства» и вынес ему общественное порицание. Оценивая этот приговор, А. Антонов-Овсеенко пишет: «Обвинения Мартова он не опроверг, пятно с биографии не смыл. Скомпрометированный Сталин счел за благо на время удалиться из Москвы.

Не скоро Сталин оправится от мартовского позора...»⁴⁵

⁴² См.: Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк., 1980. С. 9 – 14.

⁴³ Там же. С. 11.

⁴⁴ См.: Ожороков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 260, 283.

⁴⁵ Антонов-Овсеенко А. Указ соч. С. 12.

Все это опять-таки явное преувеличение. Для Сталина весь этот процесс был малозначительным эпизодом. На большевиков обвинения Мартова не могли произвести никакого впечатления. Даже вопрос об исключении Сталина из партии в 1906 или 1907 гг. не мог их волновать, так как Закавказский областной комитет РСДРП находился тогда в руках меньшевиков и большинство решений этого комитета большевистская фракция не считала для себя обязательными. Судебный процесс был использован, видимо, в первую очередь для того, чтобы закрыть меньшевистскую газету «Вперед». Большевики весной 1918 г. довольно энергично боролись против всей оппозиционной прессы. Только в мае-июне 1918 г. было закрыто около 60 буржуазных и эсеров-меньшевистских газет, в том числе «Друг народа», «Народное слово», «Родина», «Призыв» и т. п. Была закрыта и газета «Вперед». При этом главным поводом для закрытия редактируемой Мартовым газеты была не столько его полемика со Сталиным, сколько ряд ложных сообщений, которые в тех условиях могли посеять панику среди населения. С требованием о прекращении издания газеты «Вперед» выступил на заседании ВЦИК 9 мая 1918 г. Я. М. Свердлов. По его предложению 11 мая Президиум ВЦИК постановил: «...немедленно, впредь до рассмотрения этого вопроса в трибунале печати, закрыть все газеты, поместившие ложные слухи и вздорные сообщения»⁴⁶. Едва ли не первой в списке закрываемых газет стояла газета «Вперед». Сталин действительно покинул Москву в начале июня 1918 г. Но полемика с Мартовым никакого отношения к этому не имела.

СТАЛИН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Уже в конце 20-х гг. Сталина нередко называли «полководцем революции». Позднее, когда большая часть командиров и комиссаров Гражданской войны была уничтожена, о Сталине стали писать как о «непосредственном вдохновителе и организаторе важнейших побед Красной Армии», которого партия посылала «всюду, где на фронтах решались судьбы революции»⁴⁷.

Этот миф был разрушен советской исторической наукой еще в начале 60-х гг. Поэтому остановимся лишь на некоторых эпизодах военной деятельности Сталина.

Еще 29 мая 1918 г. в связи с обострением продовольственного положения в Москве и в центральных губерниях России Совнарком РСФСР назначает Сталина общим руководителем продовольственного дела на юге России, наделив его чрезвычайными правами. В этой связи Сталин 4 июня выезжает в Царицын. Он застаёт здесь неразбериху и хаос как в продовольственных, так и в военных делах, в области транспорта, финансов и т. п. Используя свои полномочия, Сталин взял на себя всю власть в районе Царицына. Нет сомнения в том, что он проделал в Царицыне большую работу по наведению порядка в тылу и на фронте и по снабжению продовольствием промышленных центров России. Однако основным средством для наведения этого «порядка» Сталин уже тогда избрал массовый террор. Он писал Ленину: «Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим [положение]. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим»⁴⁸.

И Сталин действительно не щадил никого. Он не останавливался не только перед тем, чтобы расстрелять десятки действительных врагов Советской власти, но и перед уничтожением всех тех, кто лишь подозревался в связях с контрреволюцией. В свое время об этом без всякого осуждения писал К. Е. Ворошилов⁴⁹.

⁴⁶ Окороков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. С. 275 – 277.

⁴⁷ Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1947. С. 82 – 83.

⁴⁸ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 118.

⁴⁹ См.: Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1951. С. 24.

Постепенно Сталин присвоил себе и все главные военные функции на Северном Кавказе. Он писал Ленину: «Хлеба на юге много, но чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречающий препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Более того, необходимо, чтобы военные помогали продовольственникам. Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит»⁵⁰.

Одной из первых жертв Сталина стали военные специалисты, которых он начал не только отстранять от работы, но нередко и расстреливать. С крайней враждебностью и недоверием отнесся Сталин к военному руководителю Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесареву.

Генерал царской армии и одновременно видный ученый-ориенталист А. Е. Снесарев одним из первых добровольно вступил в Красную Армию. Энергично руководя войсками, он помог организовать оборону Царицына и остановить белоказачков. Тем не менее в это время Сталин шлет телеграмму в Москву, обвиняя Снесарева в саботаже. План Снесарева по обороне города Сталин считает вредительским. В конце концов он самовольно не только сместил, но и арестовал Снесарева. По приказу Сталина был арестован и почти весь штаб военного округа, состоявший из военных специалистов. На одной из барж, стоявших на Волге, была создана плавучая тюрьма, неожиданно утонувшая вместе с большинством заключенных.

По настоянию Сталина был разработан новый план обороны Царицына. С северного участка фронта была снята часть войск с целью наступления к западу и югу от Царицына. Как свидетельствуют в «Военно-историческом журнале» (1965, № 2) военные историки В. Дудник и Д. Смирнов, «это нарушило устойчивость организованной с таким трудом обороны... 1 августа началось это необеспеченное наступление, а к 4 августа связь с югом прервалась, город оказался отрезанным от центра. Пришлось срочно перебрасывать части на северный боевой участок». Сталин свалил неудачу наступления на бывшего военрука Снесарева, от которого он якобы получил совершенно расстроенное наследство.

Для расследования положения дел на юге в Царицын прибыла инспекция Высшего Военного совета во главе с А. И. Окуловым. Снесарев был немедленно освобожден из-под ареста. Он был назначен начальником обороны Западного района. Позднее до своего нового ареста (в 1930 г.) он работал начальником Академии Генерального штаба РККА.

Положение Царицына в середине августа 1918 г. было особенно тяжелым, так как белоказаки вышли на ближние подступы к городу. Но несмотря на тяжелые потери, Красная Армия сумела все же разорвать к концу августа кольцо окружения и отбросить противника за Дон.

11 сентября 1918 г. был создан Южный фронт (командующий П. П. Сытин, члены Военного Совета И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. К. Минин, К. А. Мехоношин). Между Сталиным, Ворошиловым, Мининым – «старыми царицынцами», с одной стороны, и Сытиным и Мехоношиным – с другой, возникли острые разногласия. Царицынские работники по-прежнему продолжали не доверять военным специалистам и пытались ввести отвергнутое партией коллегиальное управление войсками. По настоянию Сталина Реввоенсовет Южного фронта отменил первые оперативные распоряжения Сытина, а затем отстранил его от командования фронтом. Как раз в это время противник начал новое наступление на Царицын и потеснил ослабевшие части Красной Армии. Положение спасла Стальная дивизия Д. П. Жлобы, прибывшая с Северного Кавказа и неожиданно нанеся удар по противнику с тыла⁵¹.

⁵⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 120 – 121.

⁵¹ См.: Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 229.

Сталин и раньше не слишком считался с распоряжениями Наркомвоенмора и Реввоенсовета республики. На одном из приказов Троцкого он наложил резолюцию: «Не принимать во внимание»⁵². В связи с этим 2 октября 1918 г. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов телеграфировал в Царицын Сталину:

«Все решения Реввоенсовета обязательны для Военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии. Не приостанавливая исполнения решения, можно обжаловать его в высший орган – Совнарком или ВЦИК, в крайнем случае – ЦК. Убедительно предлагаем провести в жизнь решения Реввоенсовета. . . Никаких конфликтов не должно быть»⁵³.

Но Сталин не принял во внимание и этой телеграммы. Возникший конфликт отрицательно сказывался на боеспособности Южного фронта. Председатель РВС республики Троцкий телеграфировал в Москву:

«Я категорически настаиваю, чтобы Сталин был отозван. Дела на Царицынском участке идут плохо, несмотря на превосходство в силах. Ворошилов способен командовать полком, но не 50-тысячной армией. Однако я оставляю его командующим 10-й армией, если он будет отчитываться перед командующим фронтом Сытиным. До сих пор Царицын не посылал даже оперативных сводок. . . Я просил, чтобы донесения о ходе разведки и операций высылались два раза в день. Если завтра все это не будет выполнено, я предам Ворошилова военному суду и опубликую это в приказе по армии»⁵⁴.

Сталин был выведен из Реввоенсовета Южного фронта и отозван в Москву. В своей книге о Сталине американский исследователь Р. Такер писал: «Бесславное завершение сталинского предприятия в Царицыне нанесло ему тяжелый политический урон»⁵⁵.

Это не совсем так. Неудачи и споры происходили в те месяцы на всех фронтах Гражданской войны. Внедрение военных специалистов из числа царских офицеров и генералов проходило крайне трудно. Красная Армия только создавалась, и единое компетентное командование рождалось в мучительной борьбе с пережитками партизанщины. В конечном счете Царицын удалось удержать, и никто не думал как-то наказывать Сталина. Более того, одновременно с вызовом в Москву Сталин был назначен по предложению Троцкого членом РВС республики.

Конец 1918 г. Сталин проводит в Москве, занимаясь главным образом делами Наркомата по делам национальностей. Он присутствует на I съезде мусульман-коммунистов в Москве, составляет проект декрета о независимости Эстонии, принимает участие в организации Белорусской Советской Республики. 1 января 1919 г. Сталин и Дзержинский были направлены на Восточный фронт для выяснения причин неудач Красной Армии и сдачи Перми. После того как положение на Восточном фронте улучшилось, Сталин и Дзержинский вернулись в Москву.

Вопрос о событиях в Царицыне обсуждался на VIII съезде РКП(б). Ворошилов и Минин открыто примкнули к так называемой «военной оппозиции». Сталин на словах высказался против «военной оппозиции», но на деле выражал ей сочувствие. В кулуарах съезда он пытался создать впечатление, что, не слишком хорошо разбираясь в военном деле, ЦК партии и Ленин передоверили его Троцкому. Между тем еще на съезде партии А. Каменскому был объявлен выговор, причем ему было разъяснено, что нет военной политики Троцкого, а есть военная политика ЦК, которую проводит Троцкий. Основным пунктом полемики был вопрос о привлечении в армию военных специалистов. Можно предположить, что Ленин убедил Сталина не выступать против Троцкого. Со своей стороны и Ленин воздержался от критики Сталина. Ленин даже одобрил в своей речи проведенные в Царицыне расстрелы. «У нас бывали разногласия, ошибки, – никто этого не отрицает. Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал,

⁵² Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. С. 27.

⁵³ Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1960. Т. 3. С. 28.

⁵⁴ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. М., 1924. С. 350 – 351.

⁵⁵ Tucker Robert C. Ibid. P. 196.

что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно, и те документы, которые цитировал тов. Ворошилов... нашу ошибку раскрыли. Моя ошибка раскрылась, а я ведь телеграфировал: будьте осторожны. Я делал ошибку. На то мы все люди»⁵⁶.

Однако в главном вопросе – об использовании военных специалистов и о дисциплине в армии – Ленин был непреклонен, и он сурово осудил действия царицынских руководителей, в первую очередь Ворошилова. Огромные потери, которые понесла под Царицыном Красная Армия, Ленин объяснял прежде всего партизанщиной и пренебрежением военными специалистами.

На VIII съезде партии Сталина избрали в ЦК РКП(б). Хотя ЦК партии был в то время не слишком многочисленным, из его состава выделили более узкий руководящий орган – Политбюро – для оперативного решения важных политических вопросов. В первый состав Политбюро вошли В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий. Кандидатами в члены Политбюро стали Н. И. Бухарин, М. И. Калинин и Г. Е. Зиновьев. Было впервые организовано и Оргбюро ЦК РКП(б) для руководства текущей организационной работой партии. Оно состояло также из пяти человек: А. Г. Белобородова, Н. Н. Крестинского, Л. П. Серебрякова, И. В. Сталина и Е. Д. Стасовой. Через несколько дней постановлением ВЦИК Сталин был назначен также народным комиссаром государственного контроля.

Мы не будем останавливаться на различных поручениях, которые Сталин выполнял как представитель ЦК РКП(б) и Реввоенсовета на Петроградском, Западном и Южном фронтах. Эти поручения не были «третьестепенными», как полагает А. Антонов-Овсеенко, однако их нельзя считать и столь исключительными, как утверждали позднее апологеты Сталина.

Следует, однако, более подробно рассказать о деятельности Сталина в 1920 г. на Юго-Западном фронте, куда он был направлен в конце мая в качестве члена Военного Совета. В это время наступавшие польские армии были уже остановлены, на территории Украины и Белоруссии завязались тяжелые бои, в результате которых Киев и Минск были освобождены.

Основная часть подкреплений первоначально направлялась в распоряжение Юго-Западного фронта. Но к концу июля сложилась обстановка, требовавшая срочной перегруппировки сил. Против Западного фронта, имевшего всего 60 тыс. штыков и сабель, действовало с польской стороны вдвое больше бойцов. В это же время против Юго-Западного фронта действовало всего три польские дивизии и деморализованные части Петлюры. Между тем на Юге для Советской республики возникла новая угроза: войска генерала Врангеля в июне 1920 г. вышли из Крыма и захватили значительную часть Северной Таврии. Для отражения врангелевского наступления было недостаточно находившихся здесь сил 6-й и 13-й армий, подчинявшихся командованию Юго-Западного фронта, переместившегося далеко на запад.

2 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение объединить все армии, действовавшие против Польши в составе Западного фронта (командующий М. Тухачевский). Одновременно было решено создать самостоятельный Южный фронт. Сталину было предложено сформировать РВС нового фронта, о чем Ленин сообщил ему телеграммой: «Спешно. Шифром. Сталину. Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение»⁵⁷.

Одновременно Главком С. Каменев на основании директивы ЦК предложил в ближайшие дни передать Первую Конную армию и 12-ю армию Юго-Западного фронта в распоряже-

⁵⁶ Ленинский сборник. XXXVII. М., 1970. С. 136.

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 247.

ние командования Западного фронта, чтобы укрепить войска на главном, варшавском направлении.

Но Сталин отказался выполнить указания Ленина и С. Каменева. Он ответил вечером того же дня по телеграфу: «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя. Обещаниям главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов»⁵⁸.

3 августа Ленин направил Сталину новую телеграмму, настаивая на разделении фронтов: «Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвет наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека»⁵⁹.

Ленин при этом не возражал против отдыха Сталина, но просил его позаботиться о заместителе.

5 августа ЦК подтвердил решение о разделении фронтов и постановил передать Западному фронту также и 14-ю армию. Главком отдал на этот счет необходимые распоряжения. Но Сталин и находившийся под его влиянием командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров не выполнили этой директивы. Главком С. Каменев повторил свой приказ.

«Западный фронт, – говорилось в письме Главкома, – приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения варшавским районом. Ввиду этого теперь же приходится временно отказаться от немедленного овладения на вашем фронте львовским районом»⁶⁰.

Но Сталин и Егоров не вняли и этому приказу. Напротив, они отдали приказ Первой Конной армии «в самый кратчайший срок мощным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов»⁶¹. Выполнить этот приказ Первая Конная не смогла. Но и Западный фронт потерпел неудачу при наступлении на Варшаву. Конечно, неудача Варшавской операции может быть объяснена несколькими причинами. Однако не последнее место среди них занимает и самоуправство Сталина. Располагая крупными силами, Сталин не хотел, чтобы лавры победы над Польшей достались Западному фронту. Видимо, он хотел сам вступить в Варшаву с тыла после взятия Львова. «Ну, кто же на Варшаву ходит через Львов!» – заметил по этому поводу Ленин, когда В. Д. Бонч-Бруевич докладывал о неудачах на польском фронте⁶².

Ввиду неподчинения Сталина приказам Главкома 14 августа Секретариат ЦК направил Сталину следующую телеграмму:

«Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что... необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву»⁶³.

17 августа Сталин выехал в Москву и подал здесь просьбу об освобождении его от военной работы. 1 сентября Политбюро полностью освободило Сталина от работы в армии.

На состоявшейся в конце сентября 1920 г. IX партийной конференции Ленин взял под защиту действия Главкома С. Каменева и председателя РВС Троцкого и в заключительном слове по отчету ЦК счел нужным осудить поведение Сталина⁶⁴. Правда, на следующий день

⁵⁸ Ленинский сборник. XXXVI. М., 1959. С. 116.

⁵⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 248.

⁶⁰ Из истории Гражданской войны в СССР: Сб. документов. М., 1961. Т. 3. С. 348.

⁶¹ Военно-исторический журнал. 1962, № 9. С. 61.

⁶² Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930. С. 283. В последующих изданиях приведенные слова Ленина были искл. чены.

⁶³ Краткая история Гражданской войны в СССР. М., 1962. С. 444.

⁶⁴ См.: IX конференция РКП(б). Сентябрь 1920 года: Протоколы. М., 1972. С. 79. Заключительное слово Ленина на втором

Сталин попросил слова по личному вопросу и заявил, что некоторые места «вчерашних речей» гг. Ленина и Троцкого не соответствуют действительности⁶⁵. Конференция не обратила внимания на это опровержение.

ПОДДЕРЖКА СО СТОРОНЫ В. И. ЛЕНИНА

Можно задать вопрос, почему Сталину так легко сходили с рук приведенные выше случаи самоуправства и грубости. Во-первых, Сталин был в 1918 – 1920 гг. достаточно сильной фигурой в руководстве партии, и он умел постоять за себя. К тому же, не только Сталин, но и многие другие представители ЦК на фронтах Гражданской войны действовали подчас излишне жестко. Немало подобных жалоб поступало и на председателя РВС Троцкого. Но Ленин и его обычно брал под защиту. В борьбе партийных группировок того времени Сталин обычно стоял на стороне Ленина, и Ленин ценил это. В условиях жестокой гражданской войны, в критическом положении Ленину приходилось учитывать и использовать всякую реальную силу, которая выступала в данный момент на стороне революции.

Ленин нередко и прямо поддерживал Сталина, как это было еще в Кракове при написании последним статей по национальному вопросу, при кооптировании его в состав ЦК РСДРП и назначении в Русское бюро ЦК. Именно по предложению Ленина Сталин был назначен на пост наркома по делам национальностей и наркома государственного контроля, реорганизованного позднее в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции.

Хотя Троцкий неоднократно требовал отстранения Сталина от военной работы, Ленин не спешил с этим решением, порой в большей мере поддерживая Сталина, чем Троцкого. Так, например, 23 октября 1918 г. Ленин дал Троцкому телеграмму:

«Сегодня приехал Сталин, привез известия о трех крупных победах наших войск под Царицыном... Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Высвоенсовета Республики.

Сообщая Вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объяснить лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным»⁶⁶.

Личной встречи Сталина с Троцким тогда не произошло, и Сталин на Южный фронт не вернулся. Но он был назначен членом Высшего Военного Совета республики. Как писал в 1937 г. в своих неопубликованных заметках Троцкий, «после завоевания власти Сталин стал чувствовать себя и действовать более уверенно, не переставая, однако, оставаться фигурой второго плана. Я заметил вскоре, что Ленин “выдвигает” Сталина. Не очень задерживаясь вниманием на этом факте, я ни на минуту не сомневался, что Лениным руководят не личные пристрастия, а деловые соображения. Постепенно они выяснились мне. Ленин ценил в Сталине характер: твердость, выдержку, настойчивость, отчасти и хитрость как необходимое качество в борьбе. Самостоятельных идей, политической инициативы, творческого воображения он от него не ждал и не требовал. Помню, во время Гражданской войны я расспрашивал члена ЦК

заседании до сих пор не опубликовано, как «не правленное». О Сталине мы узнаем лишь из примечаний на с. 372 – 373.

⁶⁵ Там же. С. 82.

⁶⁶ Ленинский сборник. XXXVII. С. 106.

Серебрякова, который тогда работал вместе со Сталиным в Реввоенсовете Южного фронта: нужно ли там участие их обоих? Не смог ли Серебряков, в целях экономии сил, справиться и без Сталина? Подумав, Серебряков ответил: «Нет, так нажимать, как Сталин, я не умею, это не моя специальность». Способность «нажимать» Ленин в Сталине очень ценил. Сталин чувствовал себя тем увереннее, чем больше креп и рос государственный аппарат «нажимания». Надо прибавить: и чем больше дух 1917 г. отлетал от этого аппарата».

В этих словах Троцкого есть немало верного. Надо добавить лишь, что Сталин не просто «выдвигался» Лениным, но и сам активно стремился выдвинуться в «фигуры первого плана», используя поддержку Ленина. К тому же «дух 1917 г.» – это не только дух революции, свободы, но и дух бесконечных митингов, манифестаций, анархии, отсутствия дисциплины. Троцкий прекрасно чувствовал себя и в этой атмосфере. Но Сталин был достаточно умен, чтобы не соперничать на поприще агитатора с другими революционерами. Он ждал, когда пригодится его умение «нажимать» и его мастерство политической интриги. Сталин был молчалив даже тогда, когда находился в небольшом кругу знакомых. Он умел, однако, придавать своим коротким репликам особую значительность. Это заметил и такой далекий от политики человек, как Ф. И. Шаляпин, случайно встретивший Сталина на квартире у Демьяна Бедного. «Сталин, – писал позднее Шаляпин, – говорил мало, с довольно сильным кавказским акцентом. Но все, что он говорил, звучало довольно веско, может быть потому, что это было коротко. Из его неясных для меня по смыслу, но энергичных по тону фраз я выносил впечатление, что этот человек шутить не будет. Если нужно, он так же легко, как легка его поступь лезгина в мягких сапогах, и станцует, и взорвет храм Христа Спасителя, почту, телеграф, что угодно»⁶⁷.

Сталин ушел с военной работы почти в самом конце Гражданской войны. Это не было понижением или отставкой. Ему надо было сосредоточить внимание на работе в Наркомнаце: Советская власть утвердилась почти во всех национальных районах. Несколько раз Сталин выезжает на Северный Кавказ и в Азербайджан, принимает делегации различных народностей. Гораздо меньше внимания он уделяет работе в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции. Ему приходится участвовать в работе не только Политбюро и Оргбюро, но и нескольких постоянных комиссий ЦК РКП(б), а также ВЦИК.

В период, когда партию лихорадила так называемая профсоюзная дискуссия, Сталин был мало активен, хотя он и поддерживал платформу Ленина и выступал против тезисов Бухарина и Троцкого. На X съезде РКП(б) Сталин выступил с докладом по национальному вопросу. Вскоре после того как Красная Армия вступила в Грузию и власть меньшевиков в этой республике была свергнута, Сталин приехал в Тифлис. При его участии было сформировано большевистское руководство Грузии и всего Закавказья. Однако попытки Сталина выступить перед рабочими кончились плачевно, его освистали на митинге грузинских железнодорожников. Он так и не смог произнести речь и ушел с митинга под охраной русских чекистов. Вместо него выступил видный меньшевик Исидор Рамишвили, которого рабочие подняли на руках. Эта неудача усилила его неприязнь к Грузии, где он впоследствии почти никогда не бывал. Он все более чувствовал, что его родина – не маленькая Грузия, а большая Россия.

На XI съезде партии Е. А. Преображенский предложил несколько ограничить полномочия Сталина. Он сказал в своей речи:

«Или, товарищи, возьмем, например, т. Сталина, члена Политбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке чекистских комиссий?»⁶⁸

На это В. И. Ленин ответил так:

⁶⁷ Известия. 1962, № 249.

⁶⁸ XI РКП(б). Март – апрель 1922 года: Стенографический отчет. М., 1961. С. 84 – 85.

«Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал нескольких обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это – вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах»⁶⁹.

Ленин был настолько расположен в 1918 – 1921 гг. к Сталину, что лично заботился о том, чтобы подыскать ему в Кремле спокойную квартиру. Он сделал выговор С. Орджоникидзе за то, что тот оторвал Сталина от отдыха на Северном Кавказе. Ленин просил разыскать врача, лечившего Сталина, и прислать его заключение о состоянии здоровья Сталина. Однажды полусерьезно Ленин предложил Сталину жениться на своей младшей сестре Марии Ильиничне. Он был уверен, что Сталин все еще холост, и удивился, когда тот сказал, что женился и что его жена работает в Секретариате ЦК. После 1921 г. отношение Ленина к Сталину изменилось.

XI съезд РКП(б) не уменьшил полномочий Сталина, который был вновь избран в ЦК партии. На пленуме ЦК 3 апреля 1922 г. Сталин был избран в Политбюро и Оргбюро ЦК. На пленуме решено было учредить новую должность – генерального секретаря ЦК и назначить на нее Сталина. В «Краткой биографии» Сталина можно прочесть, что именно по предложению Ленина пленум избрал Сталина генеральным секретарем ЦК. Троцкий позднее утверждал, что Ленин был скорее против выдвижения Сталина. Ленин якобы «самоустранился» от решения этого вопроса, высказав лишь ряд сомнений. Именно в эти дни Ленин якобы и произнес столь часто цитируемую Троцким фразу: «Этот повар способен готовить только острые блюда».

Но что значит «самоустранился»? На открытии пленума ЦК председательствовал Л. Б. Каменев, который и предложил избрать Секретариат ЦК в новом составе. Но невозможно предположить, чтобы состав Политбюро, Оргбюро и Секретариата не был предварительно согласован с Лениным. «Биографическая хроника» жизни и деятельности В. И. Ленина следующим образом излагает, руководствуясь материалами партийных архивов, день 3 апреля 1922 г.: «Апрель, В. Ленин участвует в заседании пленума ЦК РКП(б), избирается членом Политбюро ЦК и утверждается кандидатом в состав делегации РКП(б) в Коминтерне. В ходе заседания Ленин просматривает повестку дня, дополняет ее рядом пунктов, делает отметки и подчеркивания, вносит написанный им проект постановления об организации работы Секретариата ЦК. Пленум принял решение установить должность генерального секретаря и двух секретарей ЦК. Генеральным секретарем был назначен И. В. Сталин, секретарями В. М. Молотов и В. В. Куйбышев»⁷⁰.

Я уже не говорю о том, что все решения по персональным назначениям принимались на пленумах ЦК открытым голосованием, и нет никаких данных, чтобы Ленин или Троцкий воздержались при утверждении нового Секретариата ЦК.

Нельзя не отметить, что пост генсека вовсе не мыслился тогда как главный или даже очень важный пост в партийной иерархии. Секретариат подчинялся и Политбюро, и Оргбюро ЦК, а функции секретарей были ограниченными. Секретариат занимался в основном техни-

⁶⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 122.

⁷⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М., 1982. С. 267.

ческими и внутрипартийными делами, не вмешиваясь в основные области государственного управления. Армия, ВЧК-ГПУ, ВСНХ, народное просвещение не были подконтрольны Секретариату ЦК. Основные наркоматы возглавляли видные члены ЦК, и их деятельность обсуждали на Политбюро или пленумах ЦК. Не занимался Секретариат и проблемами внешней политики и Коминтерна.

До весны 1919 г. те функции, которые позднее стали выполнять Оргбюро и Секретариат ЦК, фактически выполнял по совместительству Я. М. Свердлов, которому еще XI съезд РСДРП поручил возглавлять технический Секретариат ЦК РСДРП. После избрания Свердлова председателем ВЦИК он оставался работать секретарем ЦК. Именно Свердлов, а не Троцкий или Сталин, был в 1917 – 1918 гг. вторым по авторитету и значению вождем большевистской партии. После его смерти в марте 1919 г. Ленин говорил:

«Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, – эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек»⁷¹.

В конце марта 1919 г. ответственным секретарем ЦК РКП(б) была избрана Е. Д. Стасова. Ей было трудно, и в ноябре того же года пленум ЦК избрал вторым секретарем ЦК Н. Н. Крестинского. В апреле 1920 г. был избран Секретариат ЦК в составе трех человек – Н. Н. Крестинского, Е. А. Преображенского и Л. П. Серебрякова. Ведущей фигурой в Секретариате стал Н. Н. Крестинский, который входил также в Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б). Однако все секретари ЦК поддержали во время профсоюзной дискуссии платформы Троцкого или Бухарина, и все они были переизбраны, когда после X съезда РКП(б) собрался первый пленум ЦК. В Секретариат были избраны В. М. Молотов, В. М. Михайлов и Е. М. Ярославский. Все они входили также и в Оргбюро ЦК. Однако Ленин был недоволен деятельностью этих деловых центров партии, обвиняя их в недопустимой волоките и бюрократизме. Предполагалось поэтому, что избрание генсеком Сталина, организаторские способности и крутой нрав которого были уже известны в партийных кругах, позволит навести порядок в рабочих органах ЦК. Таким образом, в назначении Сталина на новый пост не было ничего неожиданного. «Это было событие, – писала Е. Я. Драбкина, – из числа тех, которым никто не придает особого значения, и даже в партийных кругах не обратили на него внимания»⁷². В этом, конечно, нет ничего удивительного. В апреле 1922 г. Ленин продолжал стоять во главе партии и правительства. Он был общепризнанным вождем революционных масс России. Поэтому избрание Сталина на пост генсека вопреки позднейшим легендам не носило характера выдвижения нового вождя и лидера партии или преемника Ленина.

Положение изменялось, однако, по мере усиления болезни Ленина, которая все чаще и чаще отрывала его от управления страной и партией. Сталин был не только генеральным секретарем ЦК, он входил также в Оргбюро и Политбюро ЦК, в Президиум ВЦИК, он был наркомом по делам национальностей и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции. Именно Сталин превратился в ключевую фигуру партийного аппарата, под его руководством происходили перевыборы партийных органов на местах, что позволило ему произвести массовую перестановку кадров в составе губкомов, обкомов и ЦК национальных компартий. Во главу организаторского отдела ЦК, учраспредотдела, агитпропотдела были назначены Л. Каганович, С. Сырцов, А. Бубнов, которые в то время активно поддерживали Сталина. Сталин подчинил своему влиянию и членов Оргбюро и Секретариата: В. М. Молотова, Я. Э. Рудзутака и А. А. Андреева. Вместе с ближайшим помощником Сталина И. П. Товстухой все они составляли

⁷¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 79.

⁷² Е. Я. Драбкина была секретарем Я. М. Свердлова. Позднее стала писательницей.

первый «штаб» Сталина в аппарате ЦК РКП(б). Активно поддерживали Сталина в то время и такие члены ЦК, как В. В. Куйбышев, С. Орджоникидзе и А. И. Микоян. Тогда же начали выдвигаться в аппарате ЦК Л. Мехлис и Г. Маленков.

В первой половине 1922 г. состояние здоровья В. И. Ленина продолжало ухудшаться. В результате склероза мозга у него произошло расстройство речи, затруднилось движение левой и правой ноги. Через несколько недель эти явления прошли, но только в октябре 1922 г. Ленин сумел вернуться к работе. Он уже не мог не задумываться о своих преемниках.

В конце 1922 г. у Ленина начинают налаживаться политические и личные отношения с Троцким, резко ухудшившиеся во время профсоюзной дискуссии. Больше доверие Ленин оказывает своему главному оппоненту в 1917 г. Л. Б. Каменеву. Последний становится первым заместителем Ленина по Совнаркому и в 1923 г. в период болезни Ленина председательствует на заседаниях Совнаркома и Политбюро. Что касается Сталина, то Ленин в 1922 г. все более отрицательно отзывался о его деятельности. Ленин был крайне недоволен попыткой Сталина, Бухарина и Сокольников ослабить монополию внешней торговли; помешать этому могло только энергичное вмешательство Ленина. Резко критиковал Ленин и политику Сталина в национальном вопросе. Дело в том, что как раз во время болезни Ленина Сталин провел через комиссии ЦК свое предложение об «автономизации», то есть о вступлении национальных республик в РСФСР на началах автономии. В первоначальном проекте Сталина говорилось: «Признать целесообразным формальное вступление независимых советских республик – Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении – в состав РСФСР... Признать целесообразным формальное распространение компетенции ВЦИК, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные учреждения перечисленных в пункте 1 республик. Наркоматы: продовольствия, труда и народного хозяйства формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР... Остальные наркоматы, как-то: юстиции, просвещения, внутренних дел, рабоче-крестьянской инспекции, земледелия, народного здоровья и социального обеспечения считать самостоятельными... Органы борьбы с контрреволюцией в упомянутых выше республиках подчинить директивам ГПУ РСФСР.

Член Комиссии И. Сталин»⁷³.

По проекту Сталина должен был создаваться не Союз Советских Социалистических Республик, а Российская Федеративная Республика, включающая в свой состав все другие национальные образования.

В письме от 27 сентября 1922 г. Ленин осудил эти предварительные решения и предложил иное решение: создание нового государства – Союза Советских Социалистических Республик на основе равноправия РСФСР, Украины, Белоруссии и других республик. Именно это решение и было принято партией.

Сталин не занял правильной позиции и в том конфликте, который произошел между С. Орджоникидзе и руководством ЦК КП(б) Грузии по вопросам экономической политики Закавказского крайкома и прав Грузинской Советской Республики. Ленина очень взволновал этот конфликт, и под его впечатлением он продиктовал в конце 1922 г. свои записки «К вопросу о национальностях».

В них, в частности, говорилось:

«Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной Центральным Комитетом для “расследования” грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения... Видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого “социал-национализма”. Озлобление вообще играет в политике обычно самую худшую роль... В данном случае по отношению

⁷³ ЦПА ИМЛ. Ф. 558. Оп. 2479. Л. 137.

к грузинской нации мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу».

Имея в виду не столько Орджоникидзе, сколько Сталина, Ленин далее писал:

«Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в “социал-национализме” (тогда как он сам является настоящим и истинным не только “социал-националом”, но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности... Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует считать, конечно, Сталина и Дзержинского»⁷⁴.

В январе 1923 г. Ленин не раз возвращался к оценке этого конфликта, причем, как можно судить по запискам его дежурных секретарей, Сталин препятствовал получению Лениным запрашиваемых им материалов.

5 марта 1923 г. Ленин пишет письмо Троцкому: «Уважаемый тов. Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под “преследованием” Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы по че му-ни будь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом. Ленин»⁷⁵. Но Троцкий, ссылаясь на болезнь, отказался принять на себя это поручение Ленина.

Ничего не сделал и Л. Б. Каменев, когда Н. К. Крупская еще 13 декабря 1922 г. обратилась к нему с жалобой на грубость Сталина. Она писала: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина... прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская»⁷⁶.

Ленин узнал об этом конфликте только в начале марта, вероятно, от Каменева. Возмущенный до глубины души, хотя со времени конфликта прошло более двух месяцев, он вызвал секретаря и продиктовал следующее письмо:

«Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против моей жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин. 5-го марта 1923 года»⁷⁷.

Сталин немедленно принес Крупской извинения и взял свои слова обратно. Он не посмел пойти на разрыв с Лениным.

⁷⁴ Ленин В. И. ПСС Т. 45. С. 360 – 361.

⁷⁵ Там же. Т. 54. С. 329.

⁷⁶ Там же. С. 674 – 675.

⁷⁷ Там же. С. 329 – 330. Любопытно отметить, что эту записку Ленина Сталин хранил всю жизнь. Она была обнаружена у него в столе только после его смерти.

На следующий день утром В. И. Ленин продиктовал еще одно письмо, в котором говорилось:

«т.т. Мдивани, Махарадзе и др. Копия – т.т. Троцкому и Каменеву. Уважаемые товарищи! Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин. 6-го марта 23 г.»⁷⁸

Приведенные нами три письма Ленина от 5 и 6 марта 1923 г. были его последними письменными документами. 6 марта в состоянии здоровья Ленина произошло новое ухудшение, а 10 марта его поразил еще один удар, который вызвал потерю речи и усилил паралич правой руки и ноги. Вряд ли следует сомневаться, что ухудшение здоровья было ускорено душевным состоянием Ленина. Впрочем, летом и осенью 1923 г. его здоровье улучшилось, он стал принимать у себя многих людей, совершать прогулки, однажды побывал в Москве, в Кремле. Он виделся и разговаривал с некоторыми крупными партийными и государственными деятелями. Но уже ни разу не встречался со Сталиным.

Как генсек Сталин занимался в конце 1922 и в первой половине 1923 г. многими делами, не забывая при этом об укреплении своих личных позиций в партии. Он имел свой план строительства партии, который был начерно изложен в заметке «О политической стратегии и тактике», написанной в июле 1921 г. и впервые опубликованной лишь в 1947 г. Эта заметка составляла развернутый план брошюры, и часть изложенных здесь мыслей Сталин использовал в своих последующих статьях. Но многие свои мысли он не решился предавать гласности по крайней мере до 1947 г. Уже слова «партия – это командный состав и штаб пролетариата» могут вызвать ряд возражений, ибо понятия «авангард» и «командный состав» далеко не идентичны. Но Сталин идет еще дальше и пишет: «Компартия как своего рода орден **меченосцев** внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность».

Значение **старой гвардии** внутри этого могучего ордена. **Пополнение старой гвардии** новыми закалившимися... работниками»⁷⁹.

Сравнение коммунистической партии с церковно-рыцарским орденом «Братьев Христова воинства» (официальное название ордена меченосцев) могло прийти на ум бывшему семинаристу, но не Ленину или Марксу, который называл все эти ордена «крестовой сволочью». Несомненно, что Сталину импонировало строго иерархическое построение ордена меченосцев по четырем рангам. Тот факт, что заметка Сталина была опубликована только в 1947 г., показывает, что мысль о превращении партии в подобие религиозного ордена, а затем и о создании внутри партии и государственного аппарата какой-то тайной элиты ордена, особой касты «посвященных» долго не оставляла Сталина. Эту мысль он высказывал в узком кругу еще в конце 30-х гг. Создание тайно оплачиваемой при помощи «пакетов» (о чем речь впереди) номенклатуры было, несомненно, шагом именно в этом направлении.

Болезнь Ленина, исход которой становился все более очевидным, а также усиление власти Сталина беспокоили многих лидеров партии. Осенью 1923 г. в Кисловодске в одной из пещер близ города состоялось неофициальное совещание отдохнувших там руководителей партии, в котором приняли участие Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Лашевич, Ворошилов и некоторые другие. Формально речь шла об укреплении коллективного руководства партии. Зиновьев предложил тогда ликвидировать Политбюро и создать для руководства партией своеобразный триумvirат в составе Сталина, Троцкого и его, Зиновьева (вместо себя Зиновьев предлагал также Каменева или Бухарина). Мнения разделились, и план Зиновьева встретил возражения.

⁷⁸ Там же. С. 300. Это письмо, как и письма Троцкому, вовсе не означают, что Ленин полностью соглашался с позицией Б. Мдивани и грузинского ЦК. Он требовал осторожности и внимания к национализму ранее подчиненных наций и считал гораздо большей опасностью великодержавный шовинизм.

⁷⁹ *Сталин И. В.* Соч. Т. 5. С. 71 – 72.

Решили запросить самого Сталина. Позднее, на XIV съезде партии, касаясь этого эпизода, Сталин говорил: «В 1923 году, после XII съезда, люди, собравшиеся в “пещере”... выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т. е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина... На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что, если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой»⁸⁰.

Вполне возможно, что Сталину пришлось бы действительно «очистить» место главы партии. Однако вскоре внутри партии началась острая дискуссия с Троцким и его сторонниками, и положение в верхах ВКП(б) изменилось. Личная вражда между Зиновьевым и Троцким тогда была еще очень велика, и потому Зиновьев и поддержавший его Каменев не только решительно выступили против притязаний Троцкого, но и активно поддержали Сталина, в котором они видели тогда своего главного союзника в развернувшейся политической борьбе.

СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА

В то время как Сталин использовал предоставившиеся ему возможности для укрепления своих личных позиций в партии, Ленин, прикованный болезнью к постели, диктовал (иногда всего по 5 – 10 минут в день) свои последние статьи и предложения. Основная их идея – борьба против растущего бюрократизма и опасности раскола партии. Часть ленинских записок была адресована определенным лицам и, естественно, не предназначена для печати. Некоторые письма и предложения Ленин считал строго секретными. Но большую часть своих последних статей он просил немедленно опубликовать в газетах, которые с разрешения врачей ежедневно просматривал. Это относилось, в частности, к статьям «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», в которых Ленин резко критиковал Наркомат РКИ, во главе которого еще недавно стоял И. Сталин. «Будем говорить прямо, – писал Ленин. – Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать»⁸¹.

Ленин предлагал поэтому полностью реорганизовать органы партийно-государственного контроля и создать сравнительно небольшой контрольный аппарат, члены которого должны пользоваться всеми правами членов ЦК и избираться в основном из рабочих и крестьян. Эти члены ЦКК, по мнению Ленина, «обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая «незирая на лица» должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел»⁸².

Включению рядовых рабочих в ЦК и ЦКК Ленин придавал принципиальное значение, рассчитывая таким образом обновить и оздоровить правящую верхушку партии и государства. В подготовительных заметках к статье о Рабкрине Ленин писал: «Если мы запоздаем с этим делом, то мы не исполним одной из основных наших обязанностей, именно обязанности воспользоваться пребыванием у власти, чтобы научить лучшие элементы трудящихся масс всем деталям управления»⁸³.

⁸⁰ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М. – Л., 1926. С. 506. См. также выступление К. Ворошилова на съезде (С. 398 – 399).

⁸¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 393.

⁸² Там же. С. 387.

⁸³ Там же. С. 449.

Статья Ленина о Рабкрине вызвала недовольство не только у Сталина, усмотревшего в ней личный выпад против себя, но и у части членов Политбюро. Редактор «Правды» Н. Бухарин, несмотря на свою любовь к Ленину и настояния Крупской, не решился напечатать эту статью. На заседании Политбюро В. Куйбышев предложил даже напечатать в одном экземпляре специальный номер «Правды» со статьей Ленина, дабы успокоить его. Это предложение не было принято. Статья о Рабкрине была все же опубликована в «Правде» 25 января 1923 г., статья «Лучше меньше, да лучше» – 4 марта того же года. Тем не менее на XII съезде партии, состоявшемся 17 – 25 апреля, вопрос о Рабкрине не был внесен в повестку дня и почти не обсуждался. Съезд партии не создал ЦКК с теми широкими полномочиями, какие предлагал дать этой комиссии Ленин. Правда, состав ЦКК был значительно обновлен и расширен, но большинство членов ЦКК находились уже давно на партийной и советской работе, хотя и происходили из рабочих и крестьян. Они не были «рядовыми рабочими», которых нужно было еще учить «деталю управления». ЦКК отнюдь не стала органом, равноправным с ЦК партии.

Обострившиеся разногласия внутри ЦК и происходившая в нем тайная и явная борьба за власть очень волновали Ленина, здоровье которого к осени 1923 г. заметно улучшилось. Он требовал от Крупской ежедневно читать ему газеты, хотя уже не вмешивался в партийные дела. Как рассказывает в своих мемуарах Е. Драбкина, Ленин часами сидел в одиночестве и иногда даже плакал, видимо, не только от бессилия, но и от обиды. По свидетельству Крупской, 19 и 20 января 1924 г. она читала Владимиру Ильичу только что опубликованные решения XIII партконференции, где подводились итоги дискуссии с Троцким. Слушая резкие по форме и не всегда справедливые по содержанию резолюции, Ленин снова начал волноваться. Чтобы его успокоить, Крупская сказала, что резолюции приняты единогласно. Вряд ли это могло удовлетворить Ленина, чьи наихудшие опасения начали сбываться. На следующий день в состоянии сильнейшего душевного волнения В. И. Ленин скончался.

Сталин был инициатором создания Мавзолея Ленина и мумифицирования его тела, против чего публично возражала Н. К. Крупская. Однако большинство членов Политбюро поддерживали Сталина. Можно согласиться с Р. Такером, что смерть Ленина принесла облегчение Сталину и «теперь можно было обожествить покойного». Создавая культ Ленина, Сталин готовил и свой собственный. «Сталину нужен был Ленин, которого не надо больше бояться и с которым не придется больше бороться»⁸⁴.

О «ЗАВЕЩАНИИ» В. И. ЛЕНИНА

В широком смысле слова «Завещанием» Ленина следует считать все те письма, статьи и записки, которые он продиктовал в конце 1922 – начале 1923 г. Однако в более узком смысле, говоря о «Завещании» Ленина, имеют в виду лишь несколько писем, в которых Владимир Ильич касается работы ЦК и дает персональные характеристики некоторым его членам. Мы приведем обширные выдержки из этих документов, учитывая их важность.

I ПИСЬМО К СЪЕЗДУ

Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе.

Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

⁸⁴ Tucker Robert C. Ibid. P. 285.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), – если бы мы не предприняли такой реформы. . . . Что касается до первого пункта, т. е. до увеличения числа членов ЦК, то я думаю, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии. . . . Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз. 23. XII. 22 г.

Ленин.

II

Продолжение записок. 24 декабря 22 г.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. . . .

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. . . .

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

25. XII. Затем Пятаков – человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством. . . . чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что оба эти выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности.

Ленин.

III

Продолжение записок. 26 декабря 1922 г.

...Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, смогут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата... Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу... потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться.

В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян... Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата.

Ленин.

4 января 1923 г. Ленин продиктовал небольшое добавление: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин»⁸⁵.

Эти записки и письма были адресованы очередному XII съезду партии, который был намечен на весну 1923 г. Они были перепечатаны по желанию Ленина в пяти экземплярах: один для него, для Н. К. Крупской, один в секретариат Ленина. Ленин просил запечатать конверты сургучной печатью, пометив на них, что вскрыть их может только сам Ленин, а после его смерти – Крупская. Дежурный секретарь Ленина М. А. Володичева слова «а после его смерти» на конвертах не написала, но на словах передала об этом Н. К. Крупской.

Часть ленинских документов была доведена до сведения делегатов XII съезда партии. Однако основная часть ленинского «Завещания», в том числе его персональные характеристики членов ЦК, обнародована не была. Не обсуждал съезд и вопроса о перемещении Сталина с поста генсека. Состав ЦК был увеличен, однако среди семнадцати новых членов ЦК и тринадцати кандидатов в члены ЦК не было ни одного рабочего или крестьянина – все это были руководители крупных советских и партийных учреждений. Почему на XII съезде не было

⁸⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 343 – 348.

зачитано обращенное к нему письмо Ленина? Здесь не было умысла. Запечатанные сургучной печатью и строго секретные документы мог вскрыть лишь сам Ленин, а он был парализован и лишился речи. Н. К. Крупская смогла вскрыть эти письма только после смерти Ленина. Таким образом, создалась ситуация, не предусмотренная в распоряжениях Ленина.

Что можно сказать о содержании ленинского «Завещания»? Почему он ограничился характеристикой только шести членов ЦК и ничего не сказал о таких влиятельных членах ЦК, как А. Рыков, М. Калинин и др.? Я думаю, что Ленин ясно представлял себе, что в случае его смерти именно перечисленные шесть человек составят ядро партийного руководства, борьба внутри которого и таила в себе угрозу раскола партии. Особенностью ленинского документа было то, что он указывал не только на положительные качества лидеров ЦК, но и на их существенные недостатки. В своем письме Ленин предлагал освободить Сталина от поста генерального секретаря ЦК, но он не подвергал сомнению возможность и необходимость сохранения Сталина в руководстве. Отсюда и употребление слова «переместить», а не «сместить». Ленин не предложил также никакой новой кандидатуры на пост генсека.

В своих книгах, написанных за границей, Троцкий приписывает Ленину желание видеть именно Троцкого своим преемником. Даже «Завещание» Ленина Троцкий трактует в этом духе. Так, например, во втором томе своей автобиографии Троцкий писал, что Ленин и «намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома.

Только в этой связи становится полностью ясен смысл так называемого завещания. Ленин называет в нем всего шесть лиц и дает их характеристики, взвешивая каждое слово. Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу. Ленин хочет достигнуть этого, разумеется, с наименьшими личными трениями»⁸⁶.

В другом месте этой же книги Троцкий утверждает: «Помимо общеполитических задач, открытая Лениным кампания [речь идет о высказываниях Ленина по национальному вопросу. – Р. М.] имела непосредственно своей целью создать наиболее благоприятные условия для моей руководящей работы либо рядом с Лениным, если бы ему удалось оправиться, *либо на его месте*, если бы болезнь одолела его. Но не доведенная до конца, ни даже до середины борьба дала прямо противоположные результаты»⁸⁷. [Курсив мой. – Р. М.]

Все это явная фантазия действительно «чрезмерно хватящего самоуверенностью» Троцкого. Ленин не случайно не хотел называть своего преемника. Среди всех шести перечисленных им лидеров партии он не видел никого, кто мог бы заменить его на посту фактически единоличного руководителя партии и государства. Стараясь более равномерно распределить между этими людьми все главные посты (отсюда и предложение о перемещении Сталина), Ленин полагал, что только совместно и под жестким контролем ЦК и ЦКК они смогут вести дальше партию в сложных условиях того времени. В этом-то и состоит подлинный смысл ленинского документа. Ленин действительно тщательно взвешивал в своем «Завещании» каждое слово. Здесь нет обычной для Ленина резкости в оценках. Однако при внешне мягких формулировках в небидных, казалось бы, выражениях скрывался острый политический смысл. О каждом из своих соратников Ленин говорит что-то чрезвычайно лестное. Сталин – «выдающийся вождь современного ЦК». Троцкий – «самый способный человек в нынешнем ЦК». Бухарин – «ценнейший и крупнейший теоретик партии». Пятаков – «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей». Но одновременно каждому из них Ленин

⁸⁶ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 2. С. 217.

⁸⁷ Там же. С. 226.

дает и уничтожающую по смыслу, но не по форме политическую характеристику. Разве можно доверить единоличное руководство партии грубому, нетерпимому, нелояльному и капризному Сталину или чрезмерно самоуверенному и увлекающемуся администрированием Троцкому, меньшевизм которого, как и «октябрьский эпизод» у Каменева и Зиновьева, Ленин не считает чем-то случайным. Нельзя, конечно, доверить руководство партией и Бухарину, взгляды которого «лишь с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским», или Пятакову, на которого вообще трудно положиться в «серьезном политическом вопросе».

Ленин в данном случае отлично понимал важность своих оценок. И если у «Завещания» есть главный смысл, то он состоит в том, чтобы не позволить никому из перечисленных Лениным людей занять то место в партии, которое занимал в ней он сам. По мысли Ленина, его оценки должны стать той уздой, при помощи которой партия сможет удержать в определенных рамках политические амбиции и честолюбие ее наиболее выдающихся руководителей.

Н. К. Крупская вскрыла пакеты с ленинским письмом после смерти Владимира Ильича. Письмо было адресовано XII съезду РКП(б), который уже прошел. Крупская решила подождать несколько месяцев и передать письмо XIII съезду партии, намеченному на май 1924 г. За несколько дней до съезда она принесла письмо Ленина на пленум ЦК ВКП(б). В книге Б. Бажанова, бывшего секретаря Политбюро (а не «секретаря Сталина», как сказано в заголовке), говорится, что «Завещание» Ленина было прочитано на заседании пленума ЦК, то есть еще до съезда⁸⁸. Это неверно. Участники пленума не были ознакомлены с ленинским документом. О его содержании знали только некоторые члены Политбюро, которые прочли сопроводительную записку Крупской, в которой говорилось, что «Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда»⁸⁹.

Утаить письмо Ленина от делегатов съезда было невозможно, хотя оно и произвело на всех «наиболее выдающихся руководителей ЦК» удручающее впечатление. Каменев, Зиновьев и Сталин решили, однако, не зачитывать письмо Ленина на официальных заседаниях съезда. Оно было зачитано первоначально на собрании «старейшин» съезда, то есть руководителей провинциальных организаций партии. При этом Каменев предложил не производить никаких записей. Только на этом собрании о «Завещании» Ленина узнали Троцкий и его сторонники в ЦК РКП(б). Затем ленинский документ зачитывали на закрытых заседаниях отдельных делегаций, при этом никто не должен был делать записей и ссылаться на этот документ на заседаниях съезда. В наиболее крупных делегациях разъяснения по поводу письма Ленина делали Зиновьев и Каменев. В протоколы съезда все эти закрытые собрания и письмо Ленина не вошли.

При формировании руководящих органов партии после съезда Сталин, ссылаясь на «Завещание» Ленина, демонстративно отказался от поста генсека. Но Зиновьев и Каменев, а затем и большинство других членов ЦК убедили его взять свою отставку обратно. Вероятнее всего, перед съездом между Зиновьевым и Сталиным состоялось своеобразное соглашение. Сталин одобрил выдвижение Зиновьева основным докладчиком на XIII съезде и таким образом как бы продвигал этого честолюбивого и беспринципного человека на роль лидера партии. В свою очередь, Зиновьев и Каменев должны были на съезде партии отстоять для Сталина пост генсека. Это, впрочем, не встретило возражений у партийного актива, тем более что Сталин обещал учесть критику Ленина. В то время Сталин не мог еще действовать независимо от мнения других членов ЦК партии, а это исключало, казалось бы, возможность произвола. О личной диктатуре Сталина не могло быть и речи; напротив, именно Сталин выступал глашатаем «коллективного руководства». Он обвинял Троцкого в стремлении к единоличному руководству и защищал Зиновьева и Каменева от нападок Троцкого. В условиях ожесточенной

⁸⁸ См.: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Франция, 1980. С. 106 – 107.

⁸⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 594.

борьбы с Троцким и его многочисленными сторонниками вопрос о грубости и капризности Сталина, активно выступавшего против Троцкого, казался многим членам ЦК действительно мелочью. Они не видели того, что видел Ленин.

Представляет интерес дальнейшая судьба ленинского «Завещания». В 1926 г. Борис Суварин во Франции и Макс Истман в США опубликовали этот документ, полученный, по-видимому, из кругов оппозиции. Советская печать объявила «Завещание» апокрифом. Однако в 1927 г. вопрос о «Завещании» был поднят и в ЦК ВКП(б). Пришлось признать, что такой документ действительно существует. В речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин, зачитав выдержку из ленинского «Письма к съезду», заявил: «Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю». Как справедливо отмечал Л. С. Шаумян, Сталин в данном случае сознательно извратил смысл ленинского документа, ибо Ленин обвинял Сталина в грубости по отношению не к врагам партии, а к товарищам, имевшим большие заслуги перед партией⁹⁰.

Вопрос о «Завещании» Ленина был предметом обсуждения на XV съезде ВКП(б). Делегат съезда Е. П. Фролов так рассказывал об этом в своих неопубликованных воспоминаниях:

«Открывая тринадцатое утреннее заседание 9 декабря 1927 г., председательствующий Г. Петровский сказал: «Мы забыли проголосовать предложение т. Орджоникидзе о том, чтобы уважить просьбу Объединенного пленума ЦК и ЦКК в июле 1926 г. об опубликовании в «Ленинских сборниках» письма Ленина, которое часто называют «Завещанием» и о неопубликовании которого было решение XIII съезда ВКП(б). Позвольте поставить на голосование». Выступивший вслед Рыков предложил опубликовать не только то письмо, которое называется «Завещанием», но и другие письма по внутрипартийным вопросам, приложив их к стенограмме. Съезд поддержал это предложение и единогласно принял решение опубликовать «Завещание» и письма по внутрипартийным вопросам».

Но «Завещание» Ленина в стенографический отчет, изданный в 1928 г., не вошло. Не было оно опубликовано и в «Ленинских сборниках». Документ этот делегаты XV съезда (их было 1 669 человек) могли все же прочесть в бюллетенях, издававшихся во время съезда «только для членов ВКП(б)»⁹¹. Их могли получить делегаты съезда, и один из таких бюллетеней сохранился у Е. П. Фролова. В партийные организации эти бюллетени не поступали, хотя в выходных данных указывалось, что они печатаются тиражом в 13,5 тыс. экземпляров.

Во всяком случае, после XV съезда партийному активу стало больше известно о ленинском «Завещании». Однако в 30-е гг. об этом документе перестали говорить. С началом массовых репрессий он был объявлен фальшивкой. Обладатели бюллетеней XV съезда предпочитали уничтожить этот опасный документ. По свидетельству некоторых моих собеседников, им приходилось встречать в тюрьмах и лагерях коммунистов, приговоренных к длительным срокам заключения за «хранение контрреволюционного документа, так называемого ленинского завещания».

И. В. СТАЛИН В 1923 – 1924 гг.

В начале главы мы приводили портрет молодого Сталина. Разумеется, Сталин существенно изменился к 44 – 45 годам.

Он держался очень уверенно, но просто и несколько грубовато, что создавало контраст между ним и высокомерным Троцким и крайне амбициозным Зиновьевым. Поведение Сталина было более понятно и близко большинству партийных работников, для которых само слово «интеллигентность» было скорее синонимом трусливого либерализма и мягкотелости,

⁹⁰ Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 114.

⁹¹ См.: Приложение 1 к бюллетеню № 30. С. 35 – 37.

чем пролетарской твердости. Жена видного советского дипломата А. А. Иоффе, эмигрировавшая в 1975 г. в Израиль, писала в своих воспоминаниях:

«Если и был человек, которого Иоффе положительно не выносил, так это был Сталин... Мы виделись со Сталиным. Встречались, например, в ложе дирекции в Большом театре на премьерах. Сталин появлялся здесь обычно в окружении ближайших соратников, были среди них Ворошилов, Каганович... Держался он этаким простым, славным малым. Очень общительный, со всеми на дружеской ноге, но не было в нем ни единого правдивого жеста. Помню, как встретил он меня первый раз: “А, Мария Михайловна, слышал, слышал...” Вообще Сталин был редкостный актер, способный всякий раз, по обстоятельствам, менять маску. И одна из любимых его масок была именно эта – простой, душа нараспашку парень... Адольф Абрамович великолепно знал эту черту Сталина. Он никогда не верил ему и еще задолго до того, как Сталин обнаружил свое подлинное лицо, уже знал ему цену...»

Эти наблюдения Марии Иоффе довольно точны.

Много писал о личности Сталина Троцкий, который назвал как-то Сталина «самой выдающейся посредственностью в нашей партии». Эта формула потом часто повторялась в кругах оппозиции, хотя она ничего не могла объяснить. Победу Сталина над его соперниками Троцкий объясняет не столько качествами самого Сталина, сколько условиями, сложившимися в СССР в 1923 – 1927 гг. В одной из своих неопубликованных заметок от 4 января 1937 г. Троцкий писал:

«В 1923 или в 1924 г. И. Н. Смирнов, расстрелянный позже вместе с Зиновьевым и Каменевым, возражал мне в частной беседе: “Сталин – кандидат в диктаторы? Да ведь это совсем серый и ничтожный человек”. “Серый – да, ничтожный – нет”, – отвечал я Смирнову. На ту же тему были у меня... споры с Каменевым, который, вопреки очевидности, утверждал, что Сталин – “вождь уездного масштаба”. В этой саркастической характеристике была, конечно, частица правды, но только частица. Такие свойства интеллекта, как хитрость, вероломство, способность играть на низких свойствах человеческой природы, развиты у Сталина необычайно и при сильном характере представляют могущественные орудия в борьбе. Конечно, не во всякой. Освободительной борьбе трудящихся нужны другие качества. Но где дело идет об отборе привилегированных, об их сплочении духом касты, об обессилении и дисциплинировании масс, там качества Сталина почти незаменимы... И все же взятый в целом Сталин остается посредственностью. Он не способен ни к обобщению, ни к предвидению. Его ум лишен не только блеска и полета, но даже способности к логическому мышлению. Каждая фраза его речи преследует какую-то практическую цель; но речь в целом никогда не поднимается до логического построения. В этой слабости – сила Сталина. Бывают исторические задачи, разрешить которые можно, только отказавшись от обобщений; бывают эпохи, когда обобщения и предвиденье исключают непосредственные успехи: это эпохи сползания, снижения, реакции. Гельвеций говорил некогда, что каждая общественная эпоха требует своих великих людей, а когда таковых не находит, то она изобретает их... Можно применить к Сталину слова, сказанные Энгельсом о Веллингтоне: “Он велик в своем роде, а именно настолько велик, насколько можно быть великим, не переставая быть посредственностью. Индивидуальное «величие» есть в последнем счете – социальная функция».

В этой характеристике, конечно, больше истины, чем в приведенных Троцким словах Смирнова или Каменева. Но и она во многом неточна. Это видно из вывода, который делает Троцкий.

«Если бы Сталин мог с самого начала предвидеть, куда его заведет борьба с троцкизмом, он вероятно, остановился бы, несмотря на перспективу победы над всеми соперниками. Но он ничего не предвидел».

Нет, Сталин не остановился, даже если бы он заранее знал, какой ценой достанется ему победа над его противниками и его почти ничем не ограниченная власть. Возможно, он был бы готов заплатить и еще большую цену.

Вспоминая все известные ему высказывания о Сталине, Троцкий приводит также слова Бухарина о том, что Сталин прежде всего крайне ленивый человек. Это мнение (если Бухарин действительно высказывал его) ошибочно. Сталин был нетороплив и медлителен в действиях, но отнюдь не ленив. В 1980 г. во Франции вышла в свет книга Б. Бажанова «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». (Б. Бажанов действительно работал с августа 1923 г. и до конца 1925 г. в секретариате Политбюро. В 1928 г. он бежал из СССР в Иран и впоследствии жил во Франции.) Бажанов рисует не лишенный правдоподобия портрет Сталина в 1923 – 1924 гг.:

«Сталин мстителен, подозрителен, груб, у него нет каких-либо сдерживающих моральных принципов. Он умелый и хитрый интриган, чрезвычайно скрытный и хорошо владеющий собой. На нем всегда скромный костюм, и он ведет очень простой образ жизни. У него нет тяготения к роскоши или к благам жизни. Он живет в Кремле в скромно обставленной квартире, где раньше жила дворцовая прислуга. В то время как Каменев уже закрепил за собой превосходный “ролс-ройс”, Сталин ездит по Москве на старом и простом “руссо-балте”. Сталин не слишком образован, но умеет скрывать недостаток культуры; на заседаниях Политбюро говорит кратко и мало и не столько убеждает и полемизирует, сколько резюмирует в немногих словах мнение большинства. Человек сильной воли, он одновременно и чрезвычайно осторожен, а порой и нерешителен. Он часто не знает, как быть и что делать в трудной политической обстановке, но умеет скрывать свою нерешительность и нередко предпочитает идти за событиями, чем ими руководить. Женщинами Сталин не интересуется. Им владеет одна всепоглощающая страсть к власти, но он терпелив и умеет выжидать, прежде чем нанести удар по своим политическим конкурентам. От природы он не глуп и не лишен здравого смысла».

Однако, увлекаясь, Бажанов начинает добавлять к этому портрету немало фальшивых дорисовок. Он утверждает, например, что Сталин «никогда ничего не читает, ничем не интересуется». Он равнодушен к наукам, литературе, музыке. Он не читает даже литературно обработанных стенограмм своих речей и докладов.

«В первые дни моей работы, – пишет Бажанов, – я десятки раз в день хожу к Сталину докладывать ему полученные для Политбюро бумаги. Я очень быстро замечаю, что ни содержание, ни судьба этих бумаг его совершенно не интересуют. Когда я его спрашиваю, что надо делать по этому вопросу, он отвечает: “А что, по-вашему, надо делать?” Я отвечаю – по-моему, то-то: внести на обсуждение Политбюро, или передать в какую-то комиссию ЦК, или считать вопрос недостаточно проработанным и согласованным и предложить ведомству его согласовать сначала с другими заинтересованными ведомствами и т. д. Сталин сейчас же соглашается: “Хорошо, так и сделайте”. Очень скоро я прихожу к убеждению, что я хожу к нему зря и что мне надо проявлять больше инициативы. Так я и делаю. В секретариате Сталина мне разъясняют, что Сталин никаких бумаг не читает и никакими делами не интересуется...»⁹²

Все эти утверждения не соответствуют действительности. Никто не мог и в 1923 г. ходить к Сталину в кабинет десятки раз в день, да еще без доклада. Сталин почти никогда не подписывал документа, не прочитав его внимательно. Он очень много читал: партийную прессу, наиболее заметные художественные произведения, специально переведенные для него материалы западной прессы, а также эмигрантскую литературу, не говоря уже о разного рода дипломатических документах, материалах, связанных с внутрипартийной борьбой и т. п. Сталин нередко бывал на спектаклях МХАТа и Большого театра.

⁹² Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 55 – 56. Весьма неправдоподобна и рассказанная Бажановым история о чешском инженере-телефонисте, который смонтировал для Сталина устройство для прослушивания всех кремлевских телефонных разговоров и после этого был расстрелян по распоряжению Сталина.

Требует уточнения и взгляд на Сталина как на оратора и полемиста. Конечно, Сталин не был трибуном. Но он отнюдь не был плохим полемистом. Старый член партии И. А. Сац писал в своих неопубликованных воспоминаниях:

«Должен добавить несколько слов, объясняющих отчасти публицистическое и ораторское воздействие Сталина, дававшее ему преимущество перед более сильными, чем он, ораторами и публицистами. Каменев, Зиновьев, Бухарин, даже Троцкий несравненно хуже знали тексты ленинских сочинений. Эти люди гораздо ближе и чаще, чем Сталин, общались с живым Лениным, слушали его, спорили с ним, прочитывали только что напечатанное, но вряд ли много перечитывали. Они недостаточно чувствовали дистанцию между ним и собой. Сталин в отличие от них изучал и текстуально знал печатного Ленина. Он не затруднялся в подборе нужных ему цитат из Ленина. Здесь не место говорить, что свой догматический метод мышления (катехизис) он называл и, наверное, считал творческим. Оставим в стороне и то, что он вряд ли вполне сознательно и преднамеренно вел борьбу против марксистского диалектического метода, пронизывающего ленинское мышление. Сейчас нам важно отметить, что, переводя политические дискуссии на почву догматическую, Сталин легко ставил своих оппонентов в труднейшее положение, свободно и весьма убедительно манипулируя цитатами».

К сказанному следует добавить, что именно на 1924 г. приходится и наибольшая творческая активность Сталина. Работы этого года занимают целый шестой том в его Собрании сочинений. Именно в 1924 г. Сталин издал две свои главные теоретические брошюры: «Об основах ленинизма» и «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». В них он показал себя если не продолжателем, то достаточно умелым систематизатором взглядов Ленина.

2

БОРЬБА СТАЛИНА С ОППОЗИЦИЕЙ

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Нельзя понять историю возникновения и развития сталинизма, не рассмотрев хотя бы вкратце историю внутрипартийной борьбы в ВКП(б) в 1923 – 1930 гг. Задача это нелегкая, так как мало какой из вопросов нашей истории подвергался столь явной фальсификации, как вопрос об оппозиции. Уже в публикациях 20-х гг. многие эпизоды, факты, как и само направление происходившей борьбы, излагались крайне тенденциозно. При этом каждая сторона старалась представить своих оппонентов в наиболее непривлекательном виде, их слова искажали, ошибки и неточности преувеличивали. Грубость и нелояльность не только не пресекали, но и поощряли с одной и с другой стороны, что с самого начала придавало внутрипартийной борьбе крайне резкий характер. В 30-е гг. в советской печати лидеров оппозиции стали изображать уже как предателей и шпионов иностранных государств, завербованных на службу империалистических разведок еще с первых лет Советской власти.

Как известно, все активные участники оппозиционных течений были позднее физически уничтожены Сталиным. Только немногие рядовые участники оппозиции вернулись после XX съезда КПСС к своим семьям. Некоторые из них в своих мемуарах чрезмерно расхваливали тех или иных лидеров оппозиции. Их позицию можно понять, но с ней нельзя согласиться. Из того факта, что Сталин, оказавшись победителем в борьбе с оппозицией, узурпировал всю власть в стране и в партии, вовсе не следует, что именно Сталин в борьбе с оппозицией был кругом неправ, а его противники были во всем правы.

Было бы неправильным также, по примеру некоторых западных историков, изображать борьбу различных группировок в партии после смерти Ленина только как беспринципную борьбу за власть, прикрытую для видимости различного рода теоретическими рассуждениями. Нет, в 20-е гг. существовали серьезные теоретические и практические расхождения и идейная борьба, особенно по вопросу о возможностях, путях и методах строительства социализма в Советском Союзе. Верно, однако, и то, что для Сталина в этой борьбе главным был вопрос о власти. Умело маневрируя между различными течениями и платформами, Сталин воспользовался борьбой различных фракций в партии, чтобы ослабить всех конкурентов и усилить свою власть и влияние.

Нетрудно убедиться в том, что вся предреволюционная история РСДРП наполнена борьбой различных течений, групп и фракций. Эта борьба не прекратилась и после конституирования большевиков в самостоятельную партию. Ленин вел борьбу с «правыми» течениями среди большевиков в 1917 г., с «левыми коммунистами» в 1918 г., с «военной оппозицией» в 1919 г., с «рабочей оппозицией» в 1920 – 1922 гг.; острая дискуссия возникла в партии в 1920 – 1921 гг. по вопросу о профсоюзах. В. И. Ленин считал борьбу различных течений и групп в партии вполне нормальным явлением, не противоречащим принципу демократического централизма. Ограничения такой борьбы могли носить только временный характер, как это и было записано в решениях X съезда РКП(б). Некоторое время и Сталин считал внутрипартийную борьбу не только нормальным явлением, но и достоинством большевистской партии, которая не замазывает внутренние противоречия, а преодолевает их путем борьбы течений и групп.

Борьба с инакомыслящими, которую вел В. И. Ленин и в РСДРП, и позднее в РКП(б), отнюдь не всегда была образцом лояльной и вежливой полемики. Он часто бывал неоправданно резок и груб со своими оппонентами, нередко прибегал к весьма оскорбительным формулировкам, а иногда даже оправдывал грубость. Но характерной чертой Ленина было полное

отсутствие каких-либо личных мотивов во внутривнутрипартийной борьбе. Ленину было совершенно чуждо чувство мести, даже обиды. Его главной целью было убедить в своей правоте партию, рабочих, а по возможности – своих оппонентов. И когда удавалось достичь согласия во взглядах, всякая резкость исчезала, сменяясь доброжелательностью, вниманием и дружеской поддержкой. Это можно видеть на примере отношений Ленина и Троцкого в 1912 – 1913 гг. и в 1917 – 1919 гг. Известно, с какой резкостью обрушился Ленин на Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г., когда эти члены большевистского ЦК выступили против вооруженного восстания. Но сразу же после победы Октябрьской революции Зиновьев и Каменев признали свою ошибку и заняли видные посты в органах Советской власти. В своем письме к итальянским коммунистам в 1920 г. Ленин писал: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены»⁹³.

«Ленин умел быть снисходительным к ошибкам товарищей, – писала о нем М. И. Ульянова, – если эти ошибки вызывались не злой волей или нерадением... И тогда потерпевший товарищ находил всегда поддержку у Ильича и защиту от требовавших более суровых мер по отношению к виновному... И при виде этого новые силы находишь в себе и от ошибок избавляешься лучше, чем при применении строгости и взысканий, – лучше потому, что такой метод не вызывает озлобления, не приводит к подавленности человека, который и сам осознает свою ошибку»⁹⁴.

Примеров подобного отношения Ленина к бывшим оппозиционерам можно привести много. Так, например, в 1921 г. на X съезде партии Ленин предложил не только отметить в резолюции заслуги «рабочей оппозиции» в борьбе с бюрократизмом, но и включить лидера этой оппозиции А. Г. Шляпникова в состав ЦК. «Когда в ЦК, – говорил Ленин, – включается товарищ из “рабочей оппозиции”, это есть выражение товарищеского доверия... это есть проявление высшего доверия, больше которого в партии не может быть»⁹⁵. И когда Шляпников заявил о своей отставке, именно Ленин предложил съезду резолюцию, отклоняющую отставку Шляпникова.

«Как особое задание Контрольной комиссии, – писал Ленин в октябре 1920 г. в Политбюро, – рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро Цека и т. п.»⁹⁶.

Иначе относился к своим оппонентам Сталин. Еще в период внутривнутрипартийной борьбы 1913 – 1923 гг. он отличился чрезмерной резкостью, грубостью и нелояльностью, что и отметил Ленин в своем «Завещании». Сталин мало заботился о переубеждении своих оппонентов и привлечении их к совместной работе. Он старался подчинить их своей воле, сломить их сопротивление, а если это не удавалось, то бесцеремонно отбросить в сторону. К тому же Сталин был крайне злопамятен и мстителен. Его оппоненты оставались для него личными врагами даже тогда, когда исчезал предмет спора и возникала необходимость совместной дружной работы. Правда, Сталин умел хорошо скрывать свои истинные чувства.

⁹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 417.

⁹⁴ Из воспоминаний о Ленине. М., 1928.

⁹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 110 – 111.

⁹⁶ Там же. ПСС. Т. 41. С. 394.

Для того чтобы показать различие методов и форм борьбы с оппозицией у Ленина и Сталина, бесполезно вспомнить одно из заседаний IV Всероссийского съезда профсоюзов 18 мая 1921 г. Как вспоминает старый профсоюзный деятель А. М. Дурмашкин⁹⁷, на этом заседании выступил Д. Б. Рязанов, защищая тезис о независимости профсоюзов от партии. Рязанов внес резолюцию с предложением о всеобщей натурализации заработной платы. Его предложение, противоречившее линии ЦК РКП(б), находило поддержку из-за резкого падения покупательной способности денег. Большинство фракции (это было заседание коммунистической фракции съезда) неожиданно проголосовало за резолюцию Рязанова, а не за резолюцию, подготовленную в ЦК партии. Прибывший на заседание Сталин пытался поправить положение. Но выступление Сталина было резким, раздраженным и изобиловало грубыми личными выпадами в адрес Рязанова и Томского, а также всей фракции. Это вызвало в зале протесты, выкрики и нервозность. В ответ на реплики Рязанова Сталин грубо бросил в его сторону: «Замолчите, шут гороховый!» Рязанов вскочил, ответил тем же. Напряжение нарастало. В конфликт между фракцией и ЦК пришлось вмешаться Ленину. Его речь отличалась от речи Сталина одной «мелочью» – она была глубоко аргументированной и убедительной. Ленин также весьма резко критиковал Рязанова и Томского. Но Владимир Ильич воздержался от каких бы то ни было личных выпадов и оскорблений. И он победил. Фракция съезда, только что голосовавшая вразрез с решением ЦК, подавляющим большинством отменила резолюцию, внесенную Рязановым, и одобрила решение ЦК.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Л. Д. ТРОЦКОМ

В центре внутрипартийной борьбы в 1923 – 1927 гг., а позднее в центре борьбы со Сталиным как с вождем мирового коммунистического движения находился Л. Д. Троцкий.

О Троцком существует огромная литература. На Западе было издано большое количество биографий Троцкого, лучшей из них остается биография, написанная И. Дейчером. На русском языке за рубежом сравнительно недавно, в 1980 г., был издан сокращенный перевод с английского книги Д. Кармайкла «Троцкий». Очень много писал и сам Троцкий. Немало говорится о нем и в мемуарах старых большевиков, с которыми я мог ознакомиться главным образом по неопубликованным рукописям. Отрывки из них будут приведены во всех разделах книги. Их следует, однако, предварить краткой биографической справкой.

Лев Давыдович Троцкий (Лейба Бронштейн) родился всего на два месяца раньше Сталина в имении своего отца – одного из очень немногих в России еврейских помещиков. Он окончил начальную еврейскую школу, а затем реальное училище, основанное немецкими колонистами в Одессе. К социал-демократическому движению молодой Троцкий примкнул в 1898 г., после первого ареста. Будучи сосланным в Сибирь, он бежал в 1902 г. за границу. Троцкий участвовал в работе II съезда РСДРП, на котором примкнул к меньшевикам. Однако вскоре он покинул фракцию меньшевиков, но не сделался большевиком. Долгое время Троцкий был одним из тех, кто называл себя «независимым» социал-демократом. Это помогло ему стать выдающимся полемистом, но он никогда не был кропотливым и настойчивым политическим организатором.

Когда началась первая русская революция, Троцкий возвратился в Петербург. Он принял активное участие в работе Петербургского Совета и некоторое время был одним из трех его сопредседателей, а также редактором «Русской газеты», которую он и его тогдашний политический друг и единомышленник А. Л. Парвус (Гельфанд) в течение месяца превратили из маленького либерального листка в массовую газету с 500-тысячным тиражом. Немало статей Троцкий публиковал и в ежедневной меньшевистской газете «Начало».

⁹⁷ См.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900 – 1922. М., 1963. С. 528 – 532.

Петербургский Совет просуществовал всего 50 дней. Троцкий же возглавлял его всего около двух недель. В начале декабря 1905 г. столичный Совет был разогнан, а его руководство арестовано. Тем не менее эти короткие недели сделали Троцкого знаменитым в революционных кругах. Ленин уже тогда относился к Троцкому с унижительной иронией, называя его «пустомелей», «пустозвоном», «фразером», «типичным полуобразованным семинаристским болтуном», «стряпчим по темным делишкам». Случалось, однако, и Ленину отзываться о Троцком похвально.

«В революцию 1905 г., – писал А. Луначарский, – Троцкий выиграл в популярности больше всех... С этого времени Троцкий всегда находился в первых рядах. Невзирая на молодость, он оказался наиболее подготовленным. В нем менее всего ощущалась та особая эмигрантская узость, которая в то время мешала даже Ленину. Помню, как кто-то сказал в присутствии Ленина: “Ну, сегодня сильная личность – это Троцкий”. Ленин на мгновение нахмурился, а затем произнес: “О да, Троцкий заслужил это своей неутомимой, блестящей работой”»⁹⁸.

После разгона Петербургского Совета Троцкий был арестован и вновь сослан в Сибирь. Однако он бежал по дороге, сумел уехать из России и в 1907 г. участвовал в работе V съезда РСДРП в Лондоне. И здесь, на съезде, Троцкий не примкнул ни к фракции большевиков, ни к фракции меньшевиков, выступая, в сущности, от собственного имени. Он пытался поучать как большевиков, так и меньшевиков, опираясь на разработанную им и Парвусом теорию «перманентной революции». На лондонском съезде Троцкий и Сталин имели возможность познакомиться. Троцкий, однако, не заметил Сталина. Но Сталин хорошо запомнил Троцкого.

В эмиграции Троцкий познакомился почти со всеми наиболее известными лидерами европейской социал-демократии; ему удалось с большим трудом наладить выпуск своей небольшой газеты «Правда», которая издавалась еще с 1903 г. группой украинских меньшевиков, а с 1908 г. стала личным печатным органом Троцкого, выходившим в Вене примерно раз в две недели.

В то время как раскол между большевиками и меньшевиками возрастал и Ленин вел дело к тому, чтобы провозгласить большевиков самостоятельной партией, Троцкий опять занял примиренческую позицию, организовав так называемый «августовский блок», который объединял лишь очень малое число его приверженцев. Именно в этот период он особенно резко критиковал Ленина и его политику. Эта критика стала особенно яростной, когда большевики начали издавать в Петербурге свою газету под тем же названием – «Правда». Троцкому казалось, что не только крошечная венская газета, но и ее название являются едва ли не его личной собственностью.

Нападки Троцкого не остались без ответа со стороны Ленина. Именно в 1912 – 1913 гг. Ленин в своих статьях и особенно в частных письмах дал те крайне резкие и нелестные характеристики Троцкому, которые в более позднее время и на совсем иных этапах внутривнутрипартийной борьбы постоянно цитировала наша печать. Ленин обвинял Троцкого в прямом обмане рабочих и сокрытии от них правды о «ликвидаторах». Ленин писал о Троцком как о «подлейшем карьеристе», «авантюристе», «интригане» и т. п. Именно в это время он употребил выражение «Иудушка Троцкий», сравнивая таким образом примиренческую деятельность Троцкого и лицемерные попытки примирения своей семьи со стороны Иудушки Головлева – героя романа Салтыкова-Щедрина.

«Августовский блок» просуществовал недолго, и вскоре после начала Первой мировой войны Троцкий порвал формальные связи с меньшевиками. Позиция Троцкого в годы войны становилась все более близкой к позиции большевиков. Когда после Февральской революции

⁹⁸ Кармайкл Джозель. Троцкий. Иерусалим, 1980. С. 57.

Троцкий сумел из США вернуться в Россию – на месяц позже Ленина, – огромная толпа под красными знаменами вынесла его на руках из поезда.

В Петрограде Троцкий возглавил небольшую группу так называемых «межрайонцев», возникшую еще в 1913 г. В ней насчитывалось не более 500 человек, однако в нее входили такие блестящие пропагандисты и ораторы, как М. М. Володарский, А. А. Иоффе, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. С. Урицкий и др. Уже на выборах в районные думы Петрограда в мае – июне 1917 г. большевики выступали в блоке с «межрайонцами». На конференции в начале июля «межрайонцы» приняли решение о вступлении в партию большевиков. VI съезд большевистской партии поддержал это решение. Л. Д. Троцкий был избран членом ЦК РСДРП. После завоевания большевиками мандатов в Петроградском Совете Троцкий снова, как и в 1905 г., был избран председателем этого Совета.

Как председатель Петроградского Совета и как член ЦК партии Троцкий проделал в решающие недели перед Октябрем очень большую работу.

«Вообще в 1917 г., – писал в своих воспоминаниях старый большевик А. П. Спундэ, – Троцкий проявил свои лучшие качества. Он был кумиром петроградских митингов, его политическая линия вызывала тогда большую симпатию к нему. В этот период в его действиях чувствовался Дантон в варианте 1917 г. Решительность и смелость проявлялись у него во всем. А то, что ему не хватало ни ленинской глубины перспективы, ни ленинского беспредельного подчинения всех своих человеческих чувств делу победы социализма, в тот период практически не чувствовалось... Троцкий был одним из лучших ораторов революции. Говорил он всегда с изумительным блеском, с высоким мастерством популярной передачи даже трудной мысли, хотя принципиальный фундамент часто был несоразмерен с ораторским талантом»⁹⁹.

Большинство наблюдателей и участников революционной борьбы в Петрограде не без оснований считают, что Троцкий был в те дни даже не «одним из лучших», а лучшим оратором революции. Как свидетельствует М. Иоффе, не раз стенографировавшая по поручению ЦК РСДРП выступления Ленина, Луначарского и Троцкого, «Троцкий обладал только ему присущим талантом – доводить аудиторию до высшей точки накала. Именно это произошло во время его выступления в Народном доме, когда он в разгар своей речи вскинул вверх два пальца и воскликнул: “Клянись, что вы поддержите пролетарскую революцию!” И вся аудитория, тысячи людей скандировали вслед за ним: “Клянемся!” И стоящий впереди меня меньшевик Хачалава, ярый противник вооруженного восстания, вскинул вверх два пальца и тоже скандировал: “Клянись!” Когда мы вышли на улицу, я спросила Хачалаву, как это получилось? И он ответил: “Часа через два я, наверное, приду в себя, но, вы понимаете, когда стоишь и слушаешь этого человека, просто невозможно не следовать за ним”».

Незадолго перед Октябрьским вооруженным восстанием большие заслуги Троцкого отметил и В. И. Ленин, говоря о выдвижении кандидатов в Учредительное собрание от партии большевиков. «Никто не оспорил бы, – сказал Ленин, – такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата»¹⁰⁰.

Существует много самых различных легенд о роли Троцкого в непосредственной практической организации Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С одной стороны, можно встретить тенденцию к непомерному преувеличению роли Троцкого. «В этот период, – писал, например, в 1965 г. проф. И. Дашковский, – имена Ленина и Троцкого неизменно

⁹⁹ А. П. Спундэ был заместителем наркома финансов в первом Советском правительстве, позднее – членом ЦИК СССР и заместителем председателя Госбанка СССР. Он не был арестован в 1937 г., а лишь исключен из партии и работал кассиром-счетоводом в Мосторге. Свои воспоминания Спундэ писал в 1947 – 1949 гг. Умер в 1962 г. Его воспоминания хранятся в архиве его семьи.

¹⁰⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 345.

шли рядом и олицетворяли собой Октябрьскую революцию не только на знаменах, плакатах и лозунгах Октября, но и в прочном сознании партии, народа, страны»¹⁰¹.

В книге Дж. Кармайкла мы можем прочесть: «Одна из главных несообразностей этого странного переходного периода [речь идет о периоде с конца августа до конца октября 1917 г. – Р. М.] состояла в том, что в отсутствие Ленина роль самого авторитетного большевистского лидера – во всяком случае, в глазах общественного мнения – перешла к Троцкому. Человек, который на протяжении пятнадцати лет был самым непримиримым врагом большевиков, вдруг стал их самым авторитетным трибуном! Фактически именно Троцкий, опираясь на партийную печать и аппарат партии, а также на свое положение законно избранного председателя Петроградского Совета, задумал и осуществил весь переворот»¹⁰².

Подобные утверждения ошибочны, и они противоречат общеизвестным фактам. Имя Троцкого в дни Октября действительно стояло рядом с именем Ленина, но слова «рядом» и «наравне» имеют различный смысл. Даже широкая публика сознавала различный политический вес Ленина и Троцкого. Не было это секретом и для врагов большевистской партии. Что касается «прочного сознания партии», то имена Ленина и Троцкого не стояли здесь ни «рядом», ни «наравне». У партии большевиков был только один вождь – Ленин, и только он один был вдохновителем и руководителем Октябрьской революции. Кстати, в той самой рекомендации Ленина по кандидатурам в Учредительное собрание, которую мы цитировали выше, говорится: «Само собой понятно, что из числа межрайонцев, *совсем мало испытанных на пролетарской работе в направлении нашей партии*, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкий». [Курсив мой. – Р. М.]

Совершенно неправ и Дж. Кармайкл. Еще в сентябре 1917 г. вся работа по практической подготовке Октябрьского вооруженного восстания проводилась под постоянным руководством Ленина, который почти ежедневно писал статьи, брошюры, посылал в ЦК и в ПК записки и письма. В начале октября Ленин был уже в Петрограде, и именно он руководил заседаниями ЦК большевистской партии, на которых было принято окончательное решение о восстании. Тот факт, что Ленин все еще скрывался на конспиративной квартире, а Троцкий выступал легально как председатель Петроградского Совета, никак не может служить основанием для приведенных выше утверждений Дж. Кармайкла.

Однако было бы неправильным и принижать значение Троцкого в дни Октября. В многотомной «Истории КПСС» в разделе о вооруженном восстании в Петрограде мы можем прочесть лишь о «дезориентирующем влиянии на ВРК выступлений Троцкого»¹⁰³. В энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», изданной к 60-летию революции, содержатся сотни кратких биографий участников революции, но мы не найдем в ней имени Троцкого, хотя здесь есть большая статья о Сталине как одном из тех, кто руководил подготовкой и проведением Октябрьской революции. Имя Троцкого не упоминается даже в статье о Петроградском Совете, его можно найти лишь в общем перечислении имен членов Петроградского Военно-революционного комитета. Фальсифицируется роль Троцкого в дни Октября и в трехтомном труде академика И. И. Минца «История Великого Октября».

При всех разногласиях между Лениным и Троцким относительно условий и юридического обоснования переворота, разногласий, которые ход событий свел к минимуму, роль Троцкого в практической подготовке и проведении Октябрьского переворота была исключи-

¹⁰¹ Открытое письмо в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС» (рукопись). И. Дашковский вступил в партию в 1917 г. и активно участвовал в революции и гражданской войне. Автор многих работ по экономике. Исключен из партии в 1927 г. за участие в оппозиции и затем около 30 лет подвергался различным репрессиям. После XX съезда КПСС реабилитирован по всем обвинениям.

¹⁰² Кармайкл Джозель. Троцкий. С. 118.

¹⁰³ История Коммунистической партии Советского Союза: Том третий. Март 1917 – 1920 гг. Кн. первая (март 1917 – март 1918 г.). М. 1967. С. 321.

тельна велика. Здесь можно было бы сослаться на множество свидетельств непосредственных участников и очевидцев Октябрьского вооруженного восстания. Но мы сошлемся лишь на одно свидетельство – на статью «Октябрьский переворот», которая была опубликована в «Правде» 6 – 7 ноября 1918 г. за подписью И. Сталина. «Вдохновителем переворота, – говорится в этой статье, – от начала до конца был ЦК партии во главе с Лениным... Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом пролетариата на сторону Советов и умелой постоянной работой Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом Троцкому».

Эту статью, в которой, пожалуй, даже преувеличивается роль Троцкого, Сталин до начала 30-х гг. включал в сборники своих произведений.

Пожалуй, сам Троцкий был более скромн. В своем «Дневнике» он писал: «Если бы меня не было в 1917 г. в Петрограде, Октябрьская революция все равно совершилась бы – при условии присутствия и руководства Ленина. Но если бы в Петрограде не было ни меня, ни Ленина, не было бы и Октябрьской революции...»¹⁰⁴

Мы не будем останавливаться здесь на поведении и политике Троцкого во время переговоров в Брест-Литовске по вопросу о заключении мирного договора с Германией. Ошибочность позиции Троцкого была доказана уже через несколько месяцев, когда германские войска начали свое февральское наступление. Но каждому объективному историку ясно, что в действиях и выступлениях Троцкого в те критические дни не было и тени «преднамеренного предательства», «капитулянтства», «измены», «провокации», «сговора с контрреволюцией», «смыкания с агрессивным империализмом» и т. п. Все эти определения, которые можно встретить и в исторических работах 60 – 70-х гг., были привнесены в историческую науку во времена культа Сталина¹⁰⁵. Вводя в оборот эти формулировки, Сталин рассчитывал косвенным образом скомпрометировать и Ленина, ибо нужно было быть политическим слепцом, чтобы поручить через несколько месяцев «пособнику империализма» и «помощнику буржуазно-помещичьей контрреволюции» формирование и руководство Красной Армией.

Немало легенд существует также о деятельности Троцкого в период Гражданской войны. Сторонники Троцкого предпринимали много попыток представить его едва ли не главным организатором Красной Армии и ее основных побед над белыми армиями. В то же время можно упомянуть о многих попытках полностью перечеркнуть значение всей военной работы Троцкого, который был с 1918 г. народным комиссаром по военным и морским делам, а также председателем Реввоенсовета Республики. Эти попытки делали не только историки последующего периода, их предпринимали и в ходе событий. Мы уже говорили об отношении Сталина к распоряжениям Троцкого: на некоторых из них Сталин ставил резолюцию: «Не принимать во внимание». Неприязнь к Троцкому испытывали и многие другие армейские работники.

«На Юге, – писал, например, своему другу А. Сольцу старый большевик и армейский работник В. Трифонов, – творились и творятся величайшие безобразия и преступления, о которых нужно во все горло кричать на площадях, но, к сожалению, пока я это делать не могу. При нравах, которые здесь усвоены, мы никогда войны не кончим, а сами очень быстро скончаемся – от истощения. Южный фронт – это детище Троцкого и является плотью от плоти этого... бездарнейшего организатора... Армию создавал не Троцкий, а мы, рядовые армейские работники. Там, где Троцкий пытался работать, там сейчас же начиналась величайшая путаница. Путанику не место в организме, который должен точно и отчетливо работать, а военное дело именно такой организм и есть»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Кармайкл Джоэль. Троцкий. С. 186.

¹⁰⁵ См. напр.: Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., 1969, и др.

¹⁰⁶ Трифонов Ю. Отблеск костра. Исчезновение. С. 116 – 117.

Серго Орджоникидзе писал Ленину с того же Южного фронта: «Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством... Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого? Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо»¹⁰⁷.

Подобных сигналов Ленин получал немало – и от уполномоченных ЦК РКП(б), и от командующих отдельными армиями и фронтами. Тем не менее Ленин всегда достаточно высоко оценивал военно-организаторскую деятельность Троцкого и никогда не ставил вопрос о его замене на посту наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. Дело в том, что Красная Армия создавалась в исключительно трудной обстановке, и Ленин, который был, безусловно, главным ее организатором и главным стратегом Гражданской войны, хорошо понимал всю важность той работы, которую проводил в этом же направлении Троцкий. Несомненно, что деятельность Троцкого сыграла существенную роль в превращении Красной Армии из сложного конгломерата партизанских и полупартизанских формирований в регулярную и достаточно дисциплинированную военную машину. Троцкий сумел организовать работу в Красной Армии десятков тысяч царских офицеров – от младших офицеров до генералов включительно, и если Красная Армия не сумела бы выиграть Гражданскую войну без военных комиссаров, то она не смогла бы ее выиграть и без военных специалистов. Троцкий был одним из главных инициаторов и проводников политики установления твердой дисциплины в Красной Армии. Его меры были суровы и не всегда справедливы, но они помогли превратить Красную Армию в более или менее четко действующий механизм. Как пишет Дж. Кармайкл, «Троцкий открыл “зеленую улицу” жестокости, присущей всякой гражданской войне: все, вплоть до смертной казни, могло быть оправдано интересами дела. Полное слияние Троцкого с Великой Идеей делало его неумолимым; слово “безжалостно” стало его любимым выражением. Он казнил одного из адмиралов (Щастного) по обвинению в саботаже. Щастный был назначен самими большевиками; он спас Балтийский флот и, преодолевая огромные трудности, привел его в Кронштадт и в устье Невы. Он пользовался большой популярностью среди матросов; твердая позиция по отношению к новой власти делала его совершенно независимым. Это раздражало Троцкого, который самолично выступил – к тому же единственным – свидетелем; не затруднив себя доказательствами, он просто заявил на суде, что Щастный – опасный государственный преступник, который должен быть “безжалостно” наказан... Троцкий ввел и другую варварскую меру – захват заложников; по его приказу был составлен список родственников офицеров, ушедших на фронт»¹⁰⁸.

Хорошо известна жестокая расправа Троцкого с одним из полков, покинувших без приказа свои позиции. Троцкий приказал расстрелять не только командира и комиссара полка, но и каждого десятого красноармейца.

Подобным отношением Троцкий нажил себе немало врагов среди партийных и армейских работников. Но он приобрел также и много сторонников в армии и партийном аппарате, хотя и не сумел организовать из них какую-либо свою фракцию, что с немалым успехом начал еще тогда делать Сталин.

В. И. Ленин обычно одобрял все суровые меры Троцкого и вводимые им методы руководства армией. Однажды Ленин, чтобы подчеркнуть свое доверие к Троцкому, передал ему чистый бланк Председателя Совета Народных Комиссаров, написав в нижней его части: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов-Ленин»¹⁰⁹. Естественно, что Троцкий хранил этот бланк чистым всю свою жизнь.

¹⁰⁷ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 1. М., 1956. С. 101.

¹⁰⁸ Кармайкл Джозель. Троцкий. С. 145 – 146.

¹⁰⁹ Троцкий Л. Моя жизнь... Т. 2. С. 204.

«Я был очень удивлен, – пишет в своих воспоминаниях о Ленине А. М. Горький, – его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого. – Владимир Ильич подметил мое удивление. – Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но что есть – есть, а чего нет – нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных специалистов»¹¹⁰.

Конечно, и у Троцкого как председателя Реввоенсовета было немало ошибок, хотя в целом деятельность его на этом посту может быть оценена лишь положительно. Троцкий не стал и не стремился стать полководцем в прямом смысле этого слова, он оставался по-прежнему штатским человеком. Он был именно народным комиссаром, а не командующим Красной Армии. Сам Троцкий поэтому настоял на введении в РВС должности главнокомандующего Вооруженными Силами республики. С 6 сентября 1918 г. до июля 1919 г. на этом посту находился бывший полковник царской армии И. И. Вацетис, а после него – С. С. Каменев, также бывший полковник царской армии, перешедший на сторону Советской власти.

Главным средством организации и сплочения Красной Армии для Троцкого оставалось слово. Его речи и статьи, воззвания и развернутые приказы играли большую роль, чем кропотливая практическая деятельность. Как справедливо пишет Дж. Кармайкл, «будучи по существу человеком глубоко штатским, Троцкий вынужден был с головой окунуться в путаницу фронтовых дел. 6 августа 1918 г. большевистские части оставили Казань – важнейший пункт на восточном берегу Волги. Стоило белым переправиться через реку, и путь на Москву был бы для них открыт. На следующий день Троцкий лично выехал на фронт в том самом поезде, в котором ему суждено было прожить, не считая кратких наездов в Москву, в течение двух с половиной лет. В Свияжске, лежащем на другом берегу Волги, против Казани, он застал полный хаос – массовое дезертирство и абсолютную растерянность среди командиров и большевистских комиссаров. Стоя под огнем вражеских орудий, он обратился к охваченным паникой солдатам и командирам с пламенной речью. Собрав их вокруг себя, Троцкий лично повел их обратно на линию огня. В сопровождении кронштадтских моряков он даже совершил ночную вылазку под Казань на разбитом торпедном катере; маленькая флотилия, проведенная кронштадтцами по Волге, заставила замолчать вражескую артиллерию на противоположном берегу. Троцкий вернулся без единой царапины; его присутствие решило судьбу вылазки»¹¹¹.

Писатель Василий Аксенов, описывая в одном из очерков судьбу своего отца, участника Гражданской войны, арестованного в 1937 г., но вернувшегося домой в 1956, приводит другой эпизод из деятельности Троцкого, относящийся к осени 1919 г.:

«В Ряжске был сборный пункт дезертиров. Набралось их здесь несколько тысяч. Это была разнузданная орда морально опустившихся, бешено орущих людей, а конвой наш был малочислен, слаб. Трудно сказать, почему они не перебили тогда нас, конвоиров. Должно быть, просто невозможно им было организовать даже для такого нехитрого дела. Объединились они только в своей ненависти к комиссару, приехавшему с инспекцией из Москвы.

Мы вывели их за город в поле и кое-как организовали в огромное, гудящее, как взбешенный улей, каре. Здесь была сколочена шаткая трибунка для высокого московского комиссара.

Он подъехал в большой черной машине, сверкающей на солнце своими медными частями. Он был весь в коже, в очках и, что очень удивило нас, абсолютно без оружия. И спутники его тоже не были вооружены. Он поднялся на опасно качающуюся трибуну, положил руки на перила и обратился к дезертирскому безвременному воинству свое узкое бледное лицо.

¹¹⁰ Горький М. В. И. Ленин. М., 1959. С. 12. В первом издании брошюры Горького есть такая фраза: «Ударив рукой по столу, он сказал: „Вот вы указали бы мне другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть“ (М., 1924. С. 37). Во втором издании Горький, сократив эту фразу, пишет, что после нее Ленин якобы сказал: „А все-таки не наш! С нами, а не наш. Често любив. И есть в нем что-то нехорошее, от Лассалья“. Я не думаю, что Горький здесь что-то выдумал. В 1924 г. он не мог и не стал бы писать все то, что Ленин говорил ему о Троцком.

¹¹¹ Кармайкл Джозель. Троцкий. С. 147.

Что тут началось! Заревело все поле, задрожало от дикой злобы. “Долой!” – орали дезертиры.

- Приезжают командовать нами, гады!
- Сам бы вшей покормил в окопах! Уходи, пока цел!
- Эх, винта нет, снял бы пенсию проклятую!
- Братцы, чего же мы смотрим в его паскудные окуляры!

Мы уже подняли винтовки для первого залпа в воздух, как вдруг над полем прокатился, как медленный гром, голос комиссара:

– Что это за люди? – рукой он показывал на нас, конвоиров. – Я спрашиваю, что это за люди с оружием? – снова прошелся над нами голос, похожий на звук, что тянется за нынешними реактивными самолетами. Дезертирство от неожиданности затихло, пораскрывало рты.

- Это конвой, – четко доложил один из его спутников.
- Приказываю снять конвой.

Он набрал полную грудь воздуха, очки его сверкнули, и он заревел еще более тяжелым, еще более гневным голосом, толчки которого словно отдавались у каждого в груди:

- Перед нами не белогвардейская сволочь, а революционные бойцы. Снять конвой!

В тишине, последовавшей за этим, над полем вдруг взлетела дезертирская шапка, и чей-то голос выкрикнул одиночное “ура”.

– Товарищи революционные бойцы! – зарокотал комиссар. – Чаша весов истории клонится в нашу сторону. Деникинские банды разгромлены под Орлом!

“Ура” прокатилось по всему полю, и через пять минут каждая фраза комиссара вызывала уже восторженный рев и крики:

- Смерть буржуям! Даешь мировую революцию! Все на фронт!

И мы, конвоиры, о которых все уже забыли, что-то кричали, цепenea от юношеского восторга, глядя на маленькую фигурку комиссара с дрожащим над головой кулаком на фоне огромного, в полнеба, багрового заката, поднимающегося из-за горизонта, как пламя горящей Европы, как огонь американской, азиатской, австралийской, африканской революций»¹¹².

Подобных эпизодов в деятельности Троцкого в годы Гражданской войны было множество. Поэтому, не оспаривая приведенных выше свидетельств В. Трифонова или С. Орджоникидзе, мы должны согласиться также и с И. Дашковским, который писал в одном из своих неопубликованных очерков, что прибытие на какой-либо участок фронта поезда Троцкого было равносильно прибытию на фронт свежей дивизии.

Гражданская война в огромной степени способствовала росту известности и популярности Троцкого не только среди большого числа участников войны, зарубежных наблюдателей и друзей Октябрьской революции, но и внутри большевистской партии. Мало кто вспоминал теперь, что Троцкий вступил в партию большевиков лишь за несколько месяцев до революции, а перед этим активно боролся против большевиков. Острая профсоюзная дискуссия 1920 – 1921 гг., в которой Ленин и Троцкий снова оказались противниками, заметно ослабила влияние и вес Троцкого в партии. После победы в этой дискуссии ленинского большинства на X съезде РКП(б) многие сторонники Троцкого не были избраны в состав ЦК, а тем более в состав Оргбюро и Секретариата ЦК. Тем не менее и в 1921 – 1922 гг. Троцкого считали вторым по значению деятелем большевистского руководства. На многих митингах и собраниях провозглашались здравицы в честь «товарищей Ленина и Троцкого», во многих советских и партийных учреждениях можно было видеть портреты Ленина и Троцкого. Имя Троцкого звучало в песнях и военных маршах. Это была, несомненно, высшая точка в карьере Троцкого как

¹¹² «Юность». Избранное. Х. 1955 – 1965. М., 1965. С. 16 – 18. В изданном очерке «Дикой» Аксенов В. не упоминает, естественно, имени Троцкого. Но и сам В. Аксенов, и его отец П. Аксенов подтвердили, что изображенный в очерке «высокий московский комиссар» – Троцкий.

революционера и политического руководителя Советского государства. В этот период Ленин относился к Троцкому с подчеркнутым уважением, так же как и Троцкий к Ленину. Поэтому утверждать, подобно Палму Датту, что у Троцкого всегда была «злобная, почти патологическая ненависть к Ленину, к основным принципам его учения и вообще к большевикам» – значит говорить явную неправду¹¹³. «Троцкий, – писал в своих рукописных воспоминаниях в 60-е гг. старый большевик В. Громов, – выдающийся революционер. Он, конечно, не ленинец, но с Лениным в нашей партии работал вполне лояльно. Наша партия, созданная Лениным, являлась той силой, которая парализовала необузданное самолюбие и неприкрытый карьеризм Троцкого... Троцкого в нашей партии никто не знал лучше Ленина. Все, что было хорошего и плохого в этом противоречивом человеке, описано с точностью и добросовестностью нашим вождем... Не верьте тому, что писал о Троцком Сталин... Троцкий, пожалуй, единственный противник, не уклонившийся от борьбы, навязанной ему Сталиным, потому что после смерти Ленина он считал возможным занять пост вождя партии. Троцкий высоко ценил и всегда дорожил своим именем. Как человека честолюбивого, его всегда подкупали аплодисменты современников, но прежде всего он заботился о признании своей личности в глазах потомков. Он, как говорится, “бил на историю”... Сам Ленин показал... как надо относиться к Троцкому... Ленин в своем письме к съезду... назвал Троцкого “одним из выдающихся вождей современного ЦК”. Это не пустые слова, это окончательное и последнее мнение основателя нашей партии о человеке, с которым он проработал более двадцати лет в чрезвычайно острой и не всегда ясной обстановке».

Положение Троцкого в партии и в государстве к началу 1923 г. было таково, что по мере развития болезни Ленина, принимавшей все более тяжелый и необратимый характер, не только сторонние наблюдатели, но и значительная часть большевиков искренне считали, что наиболее вероятным преемником Ленина как вождя партии и государства может стать только Троцкий. Но в руководстве партии были, однако, очень влиятельные силы, которые решили во что бы то ни стало помешать этому.

XII СЪЕЗД ПАРТИИ И БОРЬБА ВНУТРИ ПОЛИТБЮРО ВЕСНОЙ 1923 г.

В первые месяцы 1923 г. политическое и экономическое положение молодой Советской республики продолжало оставаться очень трудным. Только-только начала восстанавливаться после разрухи промышленность и транспорт. Медленно оправлялось от последствий двух войн и засухи сельское хозяйство. Материальное положение рабочих и крестьян было крайне тяжелым. Особенно трагичной была участь миллионов беспризорных детей и подростков и миллионов безработных пролетариев и служащих. В это же время начала осуществляться новая экономическая политика, в городе и в деревне развивалась частная торговля, стали появляться частные промышленные предприятия, магазины, типографии, рестораны, посреднические конторы и т. п. Мелкие предприниматели, ремесленники, торговцы, богатые крестьяне начали оправляться от шока, вызванного революцией, продразверсткой, политикой «военного коммунизма». Это развитие частного предпринимательства способствовало улучшению общего экономического положения, облегчая решение неотложных хозяйственных проблем. Но оно же создавало немало политических осложнений и трудностей для партии.

В январе и феврале 1923 г. тяжело больной Ленин продолжал диктовать свои последние статьи и письма; он просил читать ему литературу о международных отношениях, о кооперации, о научной организации труда. Владимир Ильич торопился более детально разработать основы новой политики партии, ее новых задач и новой структуры, а также изложить более глу-

¹¹³ *Датт Р. Палм.* Интернационал. Очерк истории коммунистического движения. 1848 – 1963. М., 1966. С. 188.

бокое понимание социализма. Однако после 10 марта эта работа была прервана новым, самым серьезным приступом болезни. Для тех, кто принадлежал тогда к верхам партии, становилось очевидным, что Ленин уже не сможет вернуться к полноценной политической деятельности. Естественно, возникал вопрос о преемнике Ленина.

С тревогой читая правительственное сообщение о значительном ухудшении здоровья Ленина, партийные функционеры и активисты прекрасно понимали, что Ленину как создателю и вождю большевистской партии и Советского государства нет и не может быть никакой адекватной замены. Однако, как армия во время военной кампании нуждается в новом командующем, если тяжело ранен прежний; как церковь нуждается в новом первосвященнике, если ушел в лучший мир прежний наставник, так и политическая партия, особенно в трудных политических условиях, нуждается не только в коллегии руководителей, но и в новом политическом лидере и истолкователе ее идеологической доктрины.

Как и предвидел Ленин, серьезно претендовать на роль нового лидера партии могли только три человека: Сталин, Троцкий и Зиновьев, поддержанный Каменевым. Правда, Сталин тщательно скрывал тогда свои претензии. В уже образовавшемся «триумvirате», или «тройке», в составе Зиновьева, Каменева и Сталина последний скромно держался «в тени» Зиновьева и Каменева. Претензии Зиновьева были основаны на его давней близости к Ленину как вождю большевистской партии. Претензии Троцкого были основаны на его заслугах в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания, в руководстве Красной Армией в годы Гражданской войны и на его, казалось бы, очевидной для всех популярности. Именно Троцкому иностранные наблюдатели отдавали обычно предпочтение в своих прогнозах. Однако в Политбюро Троцкий был одинок, и на решающих постах в партийном аппарате было не так уж много его сторонников. Это очень ослабляло его позиции и делало невозможным переход Троцкого на роль главного лидера партии. Предстояла борьба за власть, и эта борьба наметилась еще в начале 1923 г. 14 марта 1923 г. «Правда» опубликовала статью К. Радека «Лев Троцкий – организатор победы». Но одновременно в списках стали распространяться анонимные памфлеты против Троцкого, которые в первую очередь напоминали о «небольшевистском» прошлом последнего. Р. Такер уверен, что эти памфлеты были инспирированы Сталиным¹¹⁴. А. Луначарский одним из первых стал поднимать авторитет Зиновьева. Ем. Ярославский в ряде публикаций подчеркивал важную роль Сталина в революции и Гражданской войне. Все эти литературные упражнения были лишь внешним проявлением той закулисной борьбы, которая велась в партийном аппарате и в которой инициатива принадлежала «триумvirату». Троцкий, конечно, многого не знал, но многое видел и о многом догадывался. У него были немалые возможности решительно противодействовать «тройке». Но первое, что он сделал, – это уклонился от борьбы. Троцкому была неприятна сама мысль о необходимости борьбы за власть, об организации своих сторонников, о каких-то закулисных маневрах. Он, вероятно, полагал, что переход лидерства в партии от Ленина к нему – Троцкому – будет носить характер какой-то автоматической торжественной процедуры. Но даже и там, где события развивались в этом направлении, Троцкий капризничал, отказываясь от удобных и выгодных, с точки зрения борьбы за власть, позиций и шансов.

Как известно, Ленин формально не занимал никаких руководящих постов в партии, он был ее вождем и руководителем в силу своего авторитета. Но Ленин был главой Советского правительства – Председателем Совета Народных Комиссаров. Именно этот пост считался тогда наиболее важным. В 1922 г. у Ленина в СНК было три заместителя – Л. Б. Каменев, А. И. Рыков и А. Д. Цюрупа. Еще в апреле 1922 г. Ленин предложил и Троцкому стать его заместителем в СНК. Но Троцкий отказался, заявив при этом, что Ленин хочет сделать его только номинальной фигурой. Но это было не так, ибо в силу своего авторитета Троцкий не

¹¹⁴ Tucker Robert C. Ibid. P. 335.

мог бы стать номинальной фигурой; он, несомненно, стал бы первым заместителем Ленина. Через несколько месяцев Ленин вернулся к этому вопросу. Вот как сам Троцкий излагает этот важный эпизод:

«Горячо, настойчиво, явно волнуясь, Ленин излагал свой план. Силы, которые он может отдавать руководящей работе, ограничены. У него три заместителя. “Вы их знаете. Каменев, конечно, умный политик, но какой же он администратор? Цюрупа болен. Рыков, пожалуй, администратор, но его придется вернуть на ВСНХ. Вам необходимо стать заместителем. Положение такое, что нам нужна радикальная личная перегруппировка”. Я опять сослался на “аппарат”, который все более затрудняет мне работу даже и по военному ведомству. – Вот вы и сможете перетряхнуть аппарат, – живо подхватил Ленин, намекая на употребленное мною некогда выражение. Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов и во взаимном укрытельстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей... Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: “Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?” Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата. – Пожалуй, выходит так. – Ну, что ж, – продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, – я предлагаю вам блок: против бюрократов вообще, против Оргбюро в частности. – С хорошим человеком лестно заключить хороший блок, – ответил я. Мы условились встретиться снова через некоторое время»¹¹⁵.

Л. Троцкий тотчас рассказал о предложении Ленина своим ближайшим друзьям И. Н. Смирнову, Л. Сосновскому, Х. Раковскому и некоторым другим. Но он не пишет, что же они посоветовали ему. Во всяком случае, известно, что Троцкий не принял и на этот раз предложения Ленина, и блок Ленин – Троцкий, направленный против Сталина, не стал политической реальностью.

В конце апреля 1923 г. должен был состояться очередной XII съезд РКП(б). Ленин с трудом оправлялся от последствий третьего удара, и было очевидно, что он не сможет принять участия в работе съезда. Возник вопрос, кто должен делать на съезде политический отчет от имени ЦК партии. Самой авторитетной фигурой в ЦК все еще оставался Троцкий. Поэтому вполне естественно, что на заседании Политбюро Сталин предложил ему взять на себя подготовку этого отчета. Сталина поддержали Калинин, Рыков и даже Каменев. Но Троцкий опять отказался, пустившись в путаные рассуждения о том, что «партии будет не по себе [?], если кто-нибудь из нас попытается как бы персонально заменить большого Ленина»¹¹⁶. Поэтому Троцкий предложил провести съезд вообще без заслушивания политического отчетного доклада. Это было нелепое предложение, и оно, конечно, было отклонено. На одном из следующих заседаний Политбюро было принято решение поручить подготовку политического доклада Г. Зиновьеву, только что вернувшемуся из отпуска. Троцкий взялся сделать доклад о положении в промышленности, который был заслушан на восьмом заседании съезда.

Мы уже приводили выше крайне резкие высказывания и письма, в которых Ленин осудил позицию Сталина в национальном вопросе в целом и, в частности, по отношению к Грузии. Ленин хотел рассмотреть эти проблемы на XII съезде партии, но, опасаясь, что сам он не сможет принять участие в работе съезда, письменно просил Троцкого взять на себя эту задачу. Свою просьбу Ленин передал Троцкому и через Л. Фотиеву – одну из дежурных секретарей в Горках.

Троцкий признает (и большинство историков с ним соглашаются), что если бы он выполнил просьбу Ленина и выступил на съезде по национальному вопросу, огласив все документы

¹¹⁵ Троцкий Л. Моя жизнь... Т. 2. С. 216.

¹¹⁶ Там же. С. 227.

и письма Ленина (в том числе и те, которые Ленин собирался ему передать через Фотиеву), то любая дискуссия по этому вопросу кончилась бы политическим поражением Сталина и избрание последнего генеральным секретарем ЦК РКП(б) после съезда стало бы весьма затруднительным. И тем не менее Троцкий отказался выполнить просьбу Ленина, оставив без какой-либо поддержки грузинскую делегацию, о солидарности с которой свидетельствует самый последний из написанных Лениным документов¹¹⁷. Троцкий не только позвонил в секретариат Ленина и отказался выполнить просьбу последнего, сославшись на болезнь¹¹⁸. Он пригласил к себе Каменева и предупредил его, что он, Троцкий, не будет выступать на съезде по национальным проблемам, что он не хочет поднимать на съезде никаких спорных вопросов, хотя по существу он согласен с Лениным. Троцкий даже добавил, что он не хочет никаких санкций против Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе, которых требовал Ленин. Он, Троцкий, стоит за сохранение статус-кво.

«Имейте в виду, – сказал Троцкий, – и передайте другим, что я меньше всего намерен поднимать на съезде борьбу ради каких-то организационных перестроек... Я хочу... честного сотрудничества наверху... Нужен крутой поворот... Необходимо, чтобы Сталин... на деле переменял свое поведение. Пусть не зарывается. Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество¹¹⁹.

Это был отказ от борьбы, причем от борьбы в блоке с Лениным против великодержавных амбиций Сталина. Троцкий добровольно упустил не только важный, но и, как выяснилось позднее, наиболее реальный шанс ослабить позиции Сталина и всей «тройки». Конечно, Каменев, Зиновьев и Сталин были довольны. Но некоторые документы Ленина были известны другим членам ЦК, например Б. Мдивани. Поэтому Троцкий пошел дальше, он согласился с решением Политбюро запретить кому-либо оглашать на съезде документы и письма больного Ленина по национальному вопросу. Позднее Троцкий пытался объяснить свое поведение какими-то нравственными соображениями. Он писал:

«Письма Ленина по национальному вопросу, как и его Завещание, никому не были известны. Мое выступление могло быть понято, вернее сказать, изображено, как моя личная борьба за место Ленина в партии и государстве. Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом. Я считал, что это может внести такую деморализацию в наши ряды, за которую, даже в случае победы, пришлось бы жестоко расплачиваться»¹²⁰.

Троцкий приводит здесь доводы, с которыми трудно согласиться. О некоторых письмах Ленина по национальному вопросу знали в Политбюро. Но ведь и те документы, о которых никто еще не знал, Ленин просил Троцкого огласить на съезде как письма самого Ленина. При этом Ленин прямо писал Троцкому, что этот вопрос его очень волнует и что он будет спокоен лишь в том случае, если эту задачу возьмет на себя именно Троцкий. Отказ Троцкого, естественно, лишь усилил беспокойство и волнение Ленина. К тому же у Троцкого была возможность изменить свое решение, когда важнейшее из писем Ленина – «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» – Л. А. Фотиева 16 апреля, то есть за несколько дней до съезда, передала в Политбюро. Троцкий помог своим молчанием скрыть этот документ от партии, и он был опубликован впервые только в 1956 г.¹²¹. Если Троцкий был так уверен, что Ленин именно его, Троцкого, хотел бы видеть своим преемником на посту руководителя государства и партии; если Троцкий видел, что Ленин не просто болен, но разбит параличом и не в состоянии говорить и писать; если Троцкий видел также, что на место Ленина претендуют и Зиновьев, и

¹¹⁷ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 330.

¹¹⁸ Там же. С. 674.

¹¹⁹ Троцкий Л. Моя жизнь... Т. 2. С. 224.

¹²⁰ Там же. С. 219.

¹²¹ См.: Коммунист. 1966, № 9.

Сталин, а этот вариант Троцкий считал опасным для партии, то его поведение в марте-апреле 1923 г. никак нельзя считать правильным для политика.

«Я до последней возможности уклонялся от борьбы, – писал Троцкий, – поскольку на первых своих этапах она имела характер беспринципного заговора, направленного лично против меня. Мне было ясно, что такого рода борьба, раз вспыхнув, неизбежно примет исключительную остроту и в условиях революционной диктатуры может привести к угрожающим последствиям. Здесь не место обсуждать вопрос о том, правильно ли было ценою величайших личных уступок стремиться сохранить почву коллективной работы или же нужно было самому перейти в наступление по всей линии, несмотря на отсутствие для этого достаточных политических оснований. Факт таков, что я избрал первый путь и, несмотря на все, не раскаиваюсь в этом. Есть победы, которые ведут в тупик, и есть поражения, которые открывают новые пути...»¹²²

¹²² Троцкий Л. Д. Что и как произошло. Шесть статей для мировой печати. Париж, 1929. С. 34 – 35.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.